

всепуруная иетурия в роллнлх

Александр НЕМИРОВСКИЙ

ПИФАГОР

Всемирная история в романах

Александр Немировский

Пифагор

«ВЕЧЕ»

1998

Немировский А. И.

Пифагор / А. И. Немировский — «ВЕЧЕ», 1998 — (Всемирная история в романах)

ISBN 978-5-4444-8973-4

Мало о ком в древности говорили с такой охотой и восхищением, как о Пифагоре, видя в нем не только великого мыслителя, но также мага и даже языческого святого. Ему приписывали многие чудеса: появление одновременно в нескольких местах, общение на языке животных и природы. Так и остались тайной время и обстоятельства его рождения и смерти. Вторая половина VI в. до н. э. Поликрат Всесильный, злодей и герой в одном лице, держит власть на Самосе, некогда тихом островке в Эгейском море. Как встретит этот маленький клочок суши своего блудного сына, новоявленного философа, возвратившегося из дальних странствий с мыслью нести свет сквозь мглу? Роман замечательного российского писателя и ученого Александра Иосифовича Немировского погружает читателя в удивительную эпоху невежества и мудрости – эпоху Пифагора.

ISBN 978-5-4444-8973-4

© Немировский А. И., 1998

© ВЕЧЕ, 1998

Содержание

Об авторе	6
От автора	8
Пролог	12
Часть I. Поликратов перстень	14
Часть II. Наварх	50
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Александр Немировский Пифагор

© Немировский А. И., наследники, 2016

© ООО «Издательство «Вече», 2016

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2017

* * *

Александр Иосифович Немировский (1919–2007)

Об авторе

Известный отечественный историк-антиковед, писатель, поэт и переводчик Александр Иосифович Немировский родился в городе Тирасполе в семье участника Первой мировой войны. В 1925 году семья Немировских нелегально переехала из оккупированного Румынией Приднестровья в Москву. Интерес к истории юному Саше Немировскому привил его школьный учитель – будущий академик М. Н. Тихомиров. Вожатые – будущие писатели Д. Данин и Л. Фейгельман – завоорожили мальчика своей озаренностью поэзией, пробудили в нем желание писать стихи.

В 1937 году А. Немировский поступил на исторический факультет МГУ, одновременно учился в Литературном институте, в поэтическом семинаре И. Сельвинского, вместе с М. Кульчицким, П. Коганом, С. Наровчатовым. Большую роль в становлении А. Немировского как поэта сыграло Литобъединение при студенческом клубе МГУ, которое он посещал вместе с Н. Майоровым, Б. Слуцким, Д. Самойловым. Первая публикация А. Немировского появилась в 1938 году в газете «Московский университет». В 1941 году он заявил себя как литературный критик публикациями восьми рецензий в «Литературной газете».

Война прервала учебу в МГУ. После окончания Томского военного училища А. Немировский сражался на Волховском, Ленинградском и Первом Украинском фронтах, был ранен в силезском городе Нейсе, награжден орденом Красной Звезды.

Вернувшись к мирной жизни, А. Немировский защитил кандидатскую и докторскую диссертации на темы по истории и культуре Древнего Рима. Во время работы в Пензенском педагогическом институте опубликовал в 1955 году свою первую историческую повесть «Тиберий Гракх».

С 1957 по 1978 год А. Немировский преподавал в Воронежском госуниверситете, где в 1966 году создал и возглавил кафедру истории Древнего мира и древних языков. Научно-исследовательской работе ученого нерасторжимо сопутствовало создание художественно-исторических произведений разных жанров: рассказов, повестей, романов. Стилистической особенностью их был яркий, образный язык. Они создавались на материале тех же источников, что и научные монографии и статьи. Многие юные читатели под влиянием книг А. Немировского выбрали себе профессию историка.

С 1978-го и до конца жизни в 2007 году А. Немировский жил в Москве, продолжая заниматься научной и литературной деятельностью. За этот период им было опубликовано около трехсот работ. Среди них серия книг о мифах Древнего Востока, Древней Индии, Древней Греции, Древнего Рима, восемь сборников стихов, а также его последний роман «Пифагор» об ученом, проникшем в тайны природы.

Книги А. И. Немировского переводились на английский, болгарский, литовский, молдавский, немецкий, польский, сербский и украинский языки.

Л. П. Немировская

Избранные произведения А. И. Немировского:

- «За Столбами Мелькарта» (1959)
- «Тиберий Гракх» (1963)
- «Слоны Ганнибала» (1963)
- «Белая лань» (1964)
- «Белые, голубые и собака Никс» (1966)
- «Этрусское зеркало» (1969)
- «Пурпур и яд» (1973)

«В круге земель» (1995)

«Пифагор» (1998)

Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, СПб., 1890

ПИФАГОР – сын Мнесарха, уроженец Самоса, «процвелал» при тиране Поликрате и основал общество в Кротоне, италийском городе, находившемся в тесных отношениях с Самосом. По словам Гераклита, он был умнее всех своих современников, хотя Гераклит видит в его мудрости какое-то «худое искусство» – знахарство своего рода. Неизвестно, сколько времени Пифагор оставался в Кротоне, но несомненно, что умер он в Метапонте, куда переселился вследствие враждебного отношения к его союзу. После его смерти вражда против пифагорейского союза усилилась во всех демократиях Великой Греции, и в середине пятого века разразилась катастрофа: в Кротоне многие пифагорейцы были убиты и сожжены в доме, где они собрались. Уцелевшие бежали в Грецию, куда принесли с собою учение своего союза. К концу пятого века наблюдается возрождение политического влияния пифагорейцев в Великой Греции. С шестого века пифагорейство приходит в упадок, его учение поглощается платонизмом, и от него остается лишь секта, вплоть до появления новопифагореизма.

Сам Пифагор, по преданию, не оставил письменного изложения своего учения, и Филолай считается первым писателем, изложившим пифагорейскую доктрину. При таких условиях трудно с достоверностью отделить первоначальное существование пифагорейского учения от позднейших наслоений и начертать хотя бы общий план его развития.

Есть основание видеть в Пифагоре учредителя мистического союза, научившего своих последователей новым очистительным обрядам. Обряды эти были связаны с учением о загробной жизни, о бессмертии и переселении душ – учением, которое можно приписывать Пифагору на основании свидетельств Геродота и Ксенофана.

Если верить преданию, Пифагор также впервые назвал Вселенную космосом, то есть строительным складом. Предметом его философии был именно космос, то есть мир как закономерное стройное целое, подчиненное законам «гармонии и числа».

В основании учения о числе усматривалась, по-видимому, коренная противоположность четного и нечетного: четные числа суть кратные двум, и потому «чет» есть начало делимости, раздвоения, разлада, «нечет» знаменует противоположные свойства. Отсюда понятно, что числа могут обладать и нравственными силами: 4 и 7, например, как средние пропорциональные между 1 и 10, являются числами или началами пропорциональности, а следовательно, и гармонии, здоровья, разумности.

Философия пифагорейцев заключает в себе элементы философии Платона, а следовательно, всех тех учений, которые испытали на себе влияние платонизма. Фантастическая мистика, которой эта школа предавалась более всех других школ, не помешала ей «взяться за математические науки и впервые продвинуть их вперед». Пифагор изобрел монохорд, ученик его Архит определил соотношение тонов в гамме хроматической, энгармонической и диатонической.

Особенно замечательны астрономические теории пифагорейцев. Система Филолая есть первый шаг к гелиоцентрической системе, и если мы еще не находим в ней учения о вращении Земли вокруг своей оси, то все же суточное обращение Земли вокруг воображаемого центра являлось значительным приближением к истине.

От автора

Мало о ком в древности вспоминали с такой охотой и говорили с таким восхищением, как о Пифагоре, видя в нем не только великого мыслителя, но также мага, а в последние века античной истории – языческого святого. Каждая эпоха античной истории знала своего Пифагора, но нам приходится судить о Пифагоре преимущественно по трудам, написанным в III в. н. э. и представляющим нечто среднее между жизнеописанием и похвальным словом. Автор одного из этих сочинений, философ Порфирий, известный также своим трудом в 15 книгах, направленным против христианства, ссылается на тридцать одного предшественника, писавшего о Пифагоре, но ему неизвестны ни произведение его современника Ямблиха, ни обнаруженный ранее сборник Диогена Лаэртского, в котором имеется и биография Пифагора.

Любая попытка отделить в трудах Порфирия, Ямблиха и Диогена Лаэртского легенду от истины не может вызвать ничего, кроме отчаяния. И если даже отбросить самые баснословные подробности – золотое бедро, появление одновременно в нескольких местах, беседа с животными, приветствие реки и прочие чудеса, не уступающие христианским, – окажется, что и в самых элементарных пунктах, на которых строится любое жизнеописание, нет единства. Время рождения Пифагора колеблется между 606, 580, 558, 509 гг. до н. э. Отцом его называют Мнесарха, Мнемарха, Мармака. Профессия родителя – резчик камней, торговец, торговец зерном. Учителя – едва ли не все греческие мудрецы VI в. до н. э., но также и один из современников Гомера, египетские и вавилонские жрецы, финикийские ученые. И наконец, неясность в главном: согласно одним сведениям, Пифагор ничего не писал, согласно другим, был автором множества произведений, написанных не только прозой, но и стихами. И все же есть в древних свидетельствах о Пифагоре и нечто другое, что делает возможным увидеть в нем реального человека и оригинального мыслителя. И путь к этому – во включении Пифагора в контекст его эпохи (вторая половина VI в. до н. э.).

Большая часть жизни Пифагора (до сорока или даже пятидесяти шести лет), о которой менее всего известно, была связана с островом Самос, откуда он, возможно, совершал ближние и дальние путешествия. По отцу Пифагор был потомком ионийских колонистов, заселивших остров и центральную часть побережья соседней Малой Азии в XI в. до н. э., по матери же – лелегом (коренные обитатели этой и других островных территорий Эгейского моря). То, что семейные предания уводили родословную в такую глубокую старину, позволяет видеть в Пифагоре человека, связанного с Самосом тесными узами. Профессия отца – резчик драгоценных камней или торговец – указывает на то, что семья Пифагора не принадлежала к крупным землевладельцам, экономическое и политическое могущество которых при жизни Пифагора было сломлено самосским тираном Поликратом. Этот талантливый политик сумел в те годы, когда персы завоевывали другие ионийские города, создать при поддержке египетского фараона Амасиса островную морскую державу с сильным военным флотом. Все малоазийские ионийские города, кроме Самоса, попали в рабство к персам. Самос же при Поликрате был островом свободы и надежды ионийцев. При дворе Поликрата нашли убежище многие ионийцы, и среди них певец Эроса Анакреонт.

Таковы координаты места и времени, позволяющие ввести самосского мыслителя в реальную социальную и политическую среду, связать его с кардинальными событиями десятилетий, предшествовавших хрестоматийным греко-персидским войнам. Обитателям Афин и Спарты, за которыми нас приучила следить наша школьная память, персидская опасность виделась едва ли осознаваемой угрозой, для ионийцев она была уже пережитой катастрофой.

Самос был отделен от азиатского материка проливом шириной всего в полтора километра и отстоял от главного культурного центра ионийского двенадцатиградья Милета менее чем на полдня пути. Естественно было бы ожидать, что юноша Пифагор должен был быть связан

с отцом ионийской философии Фалесом и его учениками Анаксименом и Анаксимандром. Однако, скорее всего, этого не произошло из-за зависимости Милета и других материковых центров Ионии от персов.

Так, Ямблих и Порфирий приводят ряд легенд, связывающих учение Пифагора с Финикией. Ямблих вводит Пифагора в тайные секты Тира, Библа и других городов Финикии, заставляет его посетить храм на горе Кармел. И вряд ли в этом можно увидеть проявление местного патриотизма (Ямблих и Порфирий были сирийцами), поскольку нам хорошо известно, что Финикия была родиной греческого письма и страной высочайшей культуры. Древнейшему финикийскому мудрецу Моху, жизнь которого относили примерно к X в. до н. э., приписывали учение о разделении материи на атомы, развитое впоследствии Демокритом.

Менее доверяя, на наш взгляд, заслуживают сведения об обучении Пифагора в Египте. Поскольку Египет считался классической страной мудрости, античные биографы Пифагора не могли устоять перед соблазном сделать его учеником египетских жрецов, тем более что тиран Самоса Поликрат был союзником египетского фараона. Согласно Порфирию, Пифагор добился от Поликрата письма к фараону с просьбой рекомендовать его жрецам, и те открыли перед ним свои тайны. Нереальность предлагаемой Порфирием ситуации явствует уже из хронологического несоответствия – в годы прихода Поликрата к власти и дружбы его с Амасисом Пифагор был уже далеко не юношей. К тому же в самом учении Пифагора мы не находим каких-либо характерных для Египта элементов. Учение о переселении душ, составлявшее основу религиозных взглядов Пифагора, египтянам было неизвестно. Распространено оно было в Индии, и Пифагору могло стать известно через халдеев в Финикии или Вавилоне, с которым его также связывают древние биографы, сообщая, что в этом великом городе он провел двенадцать лет.

Ко времени возвращения Пифагора на Самос после двадцатилетних странствий, о чем говорят все античные биографы, остров находился во власти Поликрата. Диоген Лаэртский и Порфирий утверждали, что именно нежелание находиться под властью тирана вынудило философа покинуть родину и переселиться в италийский Кротон. Однако в такой аргументации следует видеть отношение к факту тирании тех из использованных биографами авторов, которые жили в период поздних тираний, формировавших отрицательное отношение и к ранним тиранам. Между тем у Пифагора вряд ли могло возникнуть негативное отношение. Достаточно вспомнить, что время тирании Поликрата было временем наивысшего экономического и культурного расцвета острова, о чем свидетельствуют и античная традиция, и археология. На нем были возведены такие описанные Геродотом великие сооружения, как восьмисотметровый тоннель, прорезавший гору, храм Геры, равного которому не было во всем эллинском мире, искусственный волнолом. Они не уступали тем сооружениям, которые впоследствии стали считаться чудесами света. О том, что Пифагор при Поликрате вписался в культурную жизнь острова, свидетельствует сообщение Ямблиха об организации им в городе школы, в которой необеспеченные ученики содержались на его средства, и Порфирия о том, что кроме училища в самом городе он приспособил за городской стеной для занятий философией одну из пещер, «где проводил почти все свои дни и ночи, беседа с друзьями». Утверждению Порфирия о том, что тем не менее Пифагор покидает остров, находя тиранию «слишком суровой, чтобы свободный человек мог ее выносить», явно противоречит также отсутствие каких-либо данных о проявлении Поликратом жестокости в период расцвета его власти. Если говорить о «суровости» во время прихода к власти, то она относилась к крупным землевладельцам-аристократам (геоморам), которые были изгнаны с острова с конфискацией земель, превращенных в пастбища. Что касается семьи Пифагора, кем бы ни был его отец – камнерезом или торговцем, – она от политики Поликрата пострадать не могла.

Тем не менее переселение Пифагора с острова – исторический факт, но объясняется он, скорее всего, угрозой, которая возникла перед 525 г., когда персидский царь с огромными пол-

чищами двинулся на Египет. Именно в то время был захвачен остров Кипр, принадлежавший ранее союзному с Самосом Египту, и Поликрату пришлось разорвать отношения с Амасисом, что нашло искаженное отражение в знаменитой легенде о брошенном в море и чудом возвращенном Поликратовом перстне. В обстановке напряженного ожидания персидского нашествия не только Пифагор, но и многие другие самосцы стали искать нового убежища. Часть из них переселилась на остров Крит, часть – в Сицилию и к Неаполитанскому заливу с его благодатными землями, где возникла самосская колония Дикеархия (в римскую эпоху переименованная в Путеолы). Тогда же или несколько ранее Пифагором был избран далеко не самый богатый из южноиталийских городов Кротон.

Выбор именно этого города требует объяснения. Прежде всего обращает на себя внимание то, что это был центр научной медицинской школы, главой которой был Демокед. Известно, что Демокед отправился как раз в это время к заболевшему Поликрату и, после того как тот прошел курс лечения, отправился в качестве его спутника к персидскому сатрапу Оройту, где Поликрат был схвачен и распят на кресте, а Демокед, сначала обращенный в рабство, в дальнейшем оказался привлеченным к лечению Дария и достиг положения главного царского врача. Вовлеченность Демокеда в самосские дела и самосскую трагедию предполагает наличие каких-то связей между Кротонем и Самосом. Пифагор мог быть посредником между Поликратом и Демокедом. Демокед мог выступить ходатаем за предоставление Пифагору убежища в городе, в пользу этого говорит и то, что известный кротонский атлет Милон, многократный победитель в общегреческих играх, был близок как Пифагору, так и Демокеду, и дальнейшие трагические события в Кротоне оказались связанными именно с домом, принадлежавшим Милону.

Имелось и еще одно обстоятельство, способствовавшее утверждению Пифагора в Кротоне. Этот город находился в то время в угнетенном состоянии – его войско было полностью разгромлено на реке Сагре соседними Локрами Эпизефирскими, расположенными к западу от него, и не менее серьезную угрозу представлял его восточный сосед Сибарис.

Согласно Порфирию, Пифагор, появившийся в Кротоне, в кратчайшее время добился у кротонцев огромного авторитета и взволновал городских старейшин, а затем юношей, мальчиков, сбегавшихся из училищ, и даже женщин, которые собирались на него посмотреть. Сохранились сведения и о путях достижения такого авторитета – о его удивительном красноречии, об умении находить слова в беседах с людьми разного возраста и даже с женщинами, к которым, кажется, до него еще никто публично не обращался с речами, а также и о хитростях, с помощью которых он создавал себе репутацию полубога.

Но последнее трудно согласуется с вкладом Пифагора в науку, с его поистине величайшими открытиями в различных областях знаний. Древние авторы сообщают о многочисленных учениках Пифагора, о его методах обучения, основанных на развитии памяти.

Что же представляла собою созданная им школа? Была ли она аморфным объединением типа тех, которые возникали в Ионии вокруг милетских мудрецов, или же религиозной сектой, хранившей свое учение в тайне, или чем-то совершенно иным, ранее не встречавшимся в греческой практике? Ответ на этот вопрос может быть лишь предположительным, и наше его решение опирается на сообщение о том, что кротонцы построили для Пифагора храм Муз и что он якобы окончил свои дни в метапонтском храме Муз.

Почитание муз согласуется с практикой музыкального воспитания, введенного Пифагором. Но, скорее всего, храм Муз – это название школы, указывающее на универсальный характер обучения. Музы (дословно – «мыслящие») были покровительницами не только искусств, но и любого приложения человеческой мысли и чувства. При этом служение музам рассматривалось как служение их покровителю Аполлону, с которым Пифагор был связан уже своим именем. Не потому ли ученики могли называть своего руководителя Гиперборейским Аполлоном?

Обозначение школы Пифагора храмом Муз не случайный факт в истории античной науки. Известно, что при Академии Платона существовал тот самый храм Муз, который послужил для Деметрия Фалерского, приглашенного египетским царем Птолемеем, прототипом в создании знаменитого александрийского мусейона, сочетавшего в себе и школу, и исследовательский центр, и библиотеку, без которой непредставима сама школа.

Невоспринятой, скорее всего, была авторитарная система обучения, превращавшая учеников в покорных потребителей истины в последней инстанции. На первых порах, может быть, это и способствовало быстрому продвижению к цели, но одновременно становилось источником имевшего трагические последствия конфликта между продвинутыми учениками («математиками») и слушателями («акузматиками»).

Создание храма Муз, функционировавшего как учебно-воспитательное учреждение, было событием, выходящим за рамки не только Кротона, но и всего южноиталийского региона, получившего впоследствии название Великая Греция. Создавалась прослойка интеллектуалов, занявших ведущие места в своих городах-государствах. Они были носителями определенного образа жизни и определенной идеологии, чуждых основной массе населения, отцовским и дедовским обычаям.

Этот конфликт не мог не завершиться катастрофой, но попытка понять связанные с нею обстоятельства гибели Пифагора наталкиваются на тот же разнородный характер для всего, что связано с этим человеком. Так же как мы не знаем точной даты его рождения, неизвестна нам и дата его насильственной или естественной кончины. Мы можем только догадываться, что смерть Пифагора еще не означала гибели созданной им организации. Уничтожение же первой волны пифагореизма достаточно определенно датируется серединой V в. до н. э.

Места собраний пифагорейцев тогда окружались и поджигались. За отдельными беглецами шла охота, как за дикими зверями. Именно тогда, вопреки утверждению, будто рукописи не горят, большая часть сочинений ранних пифагорейцев превратилась в пепел. Сгорели бы и труды Пифагора, если бы он их писал.

И все же кое-что сохранилось. Одному любознательному афинскому юноше столетие спустя удалось приобрести за огромную сумму сочинение ученика Пифагора Филолая. Этот юноша не стал пифагорейцем, но без труда Филолая он не стал бы и Платоном. По «диалогам» Платона, как по стенам его знаменитой пещеры, проходит тень Пифагора. Эти диалоги дают возможность понять, откуда у Платона возникла не покидавшая его всю жизнь идея государства, управляемого философами. То, что рисовалось Платону прекрасным, едва достижимым, как Атлантида, будущим, было хорошо забытым прошлым, трагическим опытом Пифагора, показавшим, что философам не дано управлять государством и что государство не может быть основано на сконструированных разумом началах.

Пролог

*На радужной узел я оболочке
Бегающие квадратики, кружочки,
Вселенной опрокинутой узор,
И вспыхнуло в мелькании сквозь строчки
Пылающее имя – Пифагор!*

В то погожее тихое утро Сократ вместе с учениками спускался по заросшему соснами склону Ликабета к роще Академа¹. В разрывах белых скал всепоглощающе цвела акация. Перелетая от цветка к цветку, сладостно звенели гиметские пчелы. Сквозь дрожащие струи Эридана² просвечивало чистое песчаное дно. В такие редкие мгновения каждый, умеющий чувствовать, боится нарушить чарующее трепетание жизни. Наверное, поэтому Сократ не задавал своим спутникам пробуждающих тревогу или любопытство вопросов, не вызывал их на спор, но радостно-испуганно озирали и впитывали мир, словно впервые открывшийся в неповторимой новизне.

И тогда, охваченный внезапным порывом, к нему приблизился младший из учеников, юноша лет двадцати. На широком, с румянцем во всю щеку лице задорно поблескивали узко поставленные глаза.

– Скажи, Сократ, почему, пронизывая все сущее иглоу сомнения, ты не стараешься оставить после себя хоть какой-нибудь письменный след? Ведь не запечатленное на коже или папирусе смывается водами времени, исчезая, как сновидение.

Сократ повернулся к юноше и доверительно положил на его плечо тяжелую ладонь ваятеля:

– Нет, не все, Платон! Клянусь собакой, не все! Смываются случайные домыслы, досужая игра ума. Остаются совершенные числа. Это высказано и доказано тем, кто обогатил нашу исконную речь словом «философия». Хотите о нем услышать, друзья?

– Да! Да! – раздались голоса.

Сократ присел на камень.

– Еще в юности, – начал он мечтательно, – мою душу пробудило от лености и позвало в путь это вешнее имя. Побывал я на его острове вместе с моим наставником Архелаем еще до того, как наш город, одолеваемый жадностью к чужой славе, вступил с островитянами в несправедную войну. Мне довелось отыскать пещеру, во мраке которой впервые в Ионии вспыхнуло пламя истины. И с тех пор я неотступно следую за ним, как слепец за поводырем, ощущая в себе каждое мимолетное движение его мысли. Подчас я слышу в себе глуховатый голос, звучащий с благородной простотой, полный благожелательности. В отличие от других голосов, он не внушает мне беспокойства, ибо я знаю, кто будоражит меня, не давая останавливаться, кто подталкивает меня к истине, подбадривает и призывает меня к новым делам, увлекая ко все новым целям.

– Так это же Пифагор! – воскликнул юноша. – Почему ты нам раньше о нем не говорил?!

– Этому мужу, – продолжал Сократ проникновенно, – не было равных в уважении к жизни и ко всему живому.

¹ Роща Академа находилась за городской стеной, у подножия господствовавшего над Древними Афинами холма Ликабет. От Академа впоследствии получила название основанная Платоном философская школа (Академия).

² Эридан – ручей и ныне текущий с Ликабета в сторону акрополя и прорезающий руины агоры.

Он не брал в руку каламос³, поскольку был уверен, что небожители создали тростник, как и все другие растения, для роста, а не для письма, не ел животных и не приносил их в жертву, чтобы ненароком не разорвать цепь вечного бытия. О нем передают такие чудеса, что в них трудно поверить, но отыщется ли тот, кто осмелится в них усомниться? Я нисколько не удивлюсь, если вот сейчас, обойдя вот эту скалу, мы увидим его идущим нам навстречу в льняной ли хламиде мудреца, в медных ли доспехах троянского воина, в грубом ли одеянии морехода или еще в каком-нибудь из неведомых нам земных воплощений его небесной души.

– Не в тебе ли она, учитель? – спросил Платон.

Сократ задумался.

– Во мне, в тебе, в Ксенофонте, в любом из мыслящих. И с какой доходящей до исступления страстью к знанию – Пифагор называл ее философией – надо вслушиваться и всматриваться в себя и в других, чтобы вычислить эту душу, а через нее постигнуть весь мир, названный – опять-таки им – космосом: ведь впрямь он украшен не чьей-нибудь, а Пифагоровой мыслью. Поэтому каждый из пифагорейцев – а их так много и у нас в Афинах, и в Италии, – что-либо открывая, уверен, что это сделано Пифагором. Так Пифагор, ничего в своей жизни не написавший, становится создателем множества трудов и открывателем великих тайн. Он продолжает жить и творить уже на небесах.

Сократ взметнул голову. Его простое и в то же время необыкновенное лицо оказалось в тени выплывшего на небо облачка, мгновенно менявшего очертания. Толстые губы зашевелились. Ученики затаили дыхание, поняв, что сейчас они услышат самое главное. Но Сократ уже все сказал.

– Это я... – внезапно произнес Платон прерывающимся голосом, – я перенесу к подножию Ликабета сокровенную самосскую пещеру, и в ней устами Пифагора будет учить Сократ.

³ Каламос – тростниковая палочка для письма.

Часть I. Поликратов перстень

Возвращение

Волны с беззаботной небрежностью плескались у низкого черного борта.

На палубе керкура не было никого, кроме прикорнувшего у весла кормчего да высокого мужа, шлепавшего босыми ногами по мокрым доскам от носа к корме. В его колеблющейся фигуре ощущалось торжественное ожидание. Остановившись, идущий хватался за поручни и пожирал взглядом приближающийся, приобретающий все более ясные очертания берег. Ветер раздувал просторную, старого покроя хламиду, трепал отброшенные на затылок выющиеся на концах светлые волосы. И никто, взглянув на него, не поверил бы, что этому мужу уже перевалило за середину человеческого возраста.

Рассветало. Сверкающая корона Гелиоса сказочно выплывала из перламутровой раковины небес. Трепетные лучи вырывали зубчатый изгиб бухты. За каменной линией мола едва покачивались мачты, напоминавшие голые зимние деревья. В глубине за ними просматривались прямоугольные каменные строения с симметрично расположенными дощатыми воротами. Засверкали крыши – черепичное море, подступавшее к замыкавшим горизонт сиренывым горам.

– Что это за берег, Абибал?! – воскликнул длинноволосый, приблизившись к кормчему. – Не сбился ли ты ненароком с пути?

Кормчий обиженно тряхнул седой головой:

– Может, для кого другого, Пифагор, все берега и все моря на одну мерку...

Пифагор прервал его прикосновением:

– Прости меня, друг. Но я, право, не узнаю своего Самоса. Где милые сердцу рыбацьи хижины, где кольца с развешанными сетями, где помнящая мои пятки палестра? Над Астипалеей, если это она, я вижу восьмиколонный храм. Левее вместо горы Амвел какая-то другая, словно бы укороченная. И вот эта гигантская статуя. Мне кажется, будто у нее светятся глаза. Наконец, музыка в такую рань. Не остров ли это феаков?⁴

Обратив лицо к берегу, кормчий прислушался.

– Да, музыка... Опять какой-то праздник. В глазницах Астарты драгоценные камни ценю в талант⁵ каждый. Напуганная их блеском рыба покинула бухту. Мелек отселил рыбаков на северное побережье, а на месте поселка построил эти огромные доки для кораблей, насыпал волнолом, такой же, как в Тире.

Пифагор слушал, внимательно переводя некоторые финикийские слова на родную речь. Финикиец называл Афродиту Астартой, а тирана – мелеком. Но уход рыбы из-за блеска драгоценных камней! Не басня ли это корабельщиков, подобная тем, какие болтун Гомер разбросал по своей Одиссее? Перенести в другое место целый поселок, соорудить такой мол, превратить статую в маяк... Кому это нужно? На что замахнулся этот человек! Конечно же в Азии в эти же годы произошли не менее разительные перемены. Исчезли многие царства. Разрушены великие города. Власть над половиной континента Азии досталась персам, народу, ранее мало кому известному. Но Пифагор, свидетель многих из этих перемен, наивно верил, что они обошли его Самос и он, возвратившись на родину, найдет остров таким, каким его оставил два с лишним десятилетия назад.

⁴ Остров феаков – в греческой мифологии счастливый остров.

⁵ Талант – самая крупная (26,2 кг) весовая денежная единица, заимствованная греками из Передней Азии.

– Как имя мелека, о котором ты говоришь, Абибал? – спросил Пифагор.
– Поликрат... Насколько я понимаю, на твоём языке это означает «Всесильный».
– Да, – подтвердил Пифагор, – почти точно. Но как этот человек достиг могущества? Что дало ему такую силу?

– Конечно же самояны! – отозвался Абибал не сразу.
– Самояны? – протянул Пифагор. – Что это такое?
– Суда типа наших гаул, но несколько шире корпусом, с третьим косым парусом на верху задней мачты, двумя кормовыми веслами, – пояснил финикиец. – Их снаряжают в этих доках и спускают в бухту едва ли не каждый месяц. Кто теперь назовет эллинские суда плавающими лоханями! Самояны принесли твоему острову богатство и процветание, сделав его жемчужиной Икарийского моря и всей Эллады. Ведь самояны теперь по всем морям хрюкают.

Лицо Пифагора вытянулось.

– Хрюкают? – повторил он.

Абибал рассмеялся.

– Это мы так говорим. Ведь корабельные носы самоян завершаются свиными рыльцами, такими же, как днища самосских амфор. Фараон Амасис, если верить молве, посоветовал Поликрату заменить их на что-либо другое, ведь для египтян, как и для евреев, свинья – нечистое животное. Но тот будто ответил, что эти «свиньи» принесли ему счастье и власть. И впрямь, как бы он без самоян превратил в рабов обитателей островов, которые вы называете круговыми?⁶ Теперь они исправно платят ему дань. Их трудом пробита гора, и через нее пропущена целая река.

– Что я слышу! Сквозь гору?! Совсем как в Иерусалиме?! И это на моем заброшенном Самосе! Видимо, и впрямь надо надолго расставаться с отечеством, чтобы оно могло тебя удивить!

– Можно было бы еще многое порассказать, – перебил Абибал. – Но вот уже твой берег. Как только сойдешь, я сразу отчалию. Если понадобится помощь, моя посудина будет здесь в следующее новолуние.

Пифагор, подхватив полотняный мешок, шагнул к сходням.

– Ты и так из-за меня отказался от плавания в Картхадашт и терпишь убыток.

– О чем ты говоришь, господин мой?! – взволнованно произнес финикиец. – Ты вернул к жизни моего первенца, и моя жизнь принадлежит тебе. Знай, что нет услуги, которой бы я тебе ни оказал. И она будет мне радостью, а не обузой.

Сходни, подтянутые дюжими руками, скрылись за бортом. Суденышко, мгновенно развернувшись, показало берегу корму. Последний раз блеснула седина Абибала. Пифагор перекинул котомку за спину и побрел по набережной навстречу все громче звучащей музыке.

Праздник Геры

Пифагор шагал по молу, обходя судно, застопоренное на очищенных от коры стволах. Нижняя его часть у килиа блестит древесной слезой, на верхней, свежескрашенной, выделяются выписанные белым, никому не понятные иероглифы. На выгнутом дугой носу рядом с фигуркой бегущего кабана укреплен оливковая ветвь. Все говорит о том, что эта, судя по описанию Абибала, самояна предназначена в дар союзнику Самоса фараону.

Все отчетливее и призывнее звучали авлосы. И вот уже на мощеной дороге, повторявшей изгибы обозначенного прибором берега, показалась священная процессия. Впереди шла

⁶ Кикладские (дословно – «круговые») острова – архипелаг островов Эгейского моря, расположенных вокруг Делоса наподобие круга.

верховная жрица в облике богини. Ее пеплос⁷, переливаясь яркими красками, напоминал распущенный хвост павлина. Над обнаженными, покрытыми жемчугами и драгоценными камнями руками жрицы возвышалась чаша из красного электра⁸ в форме ладьи с высоким носом и тремя лилиями вместо парусов. Венок на голове женщины сверкал литыми золотыми колосями. Ниспадавшие из-под него светлые волосы свободно и мягко ложились на обнаженную шею. Стайки мальчиков и девочек, двигаясь справа и слева, размахивали ветвями ивы и пели:

Славься, владычица всеблаженная,
Под именами известная разными:
Тем, кто на Ниле родился, – Исидою,
Перворожденным фригийцам – Кибелою,
Критянам – Артемидой Диктиною,
Нам же – божественной матерью Герою.

За жрицей пестрой и шумной толпой двигались ряженые – в масках кукушек, с клювами и хохолками, в коричневатых с желтыми разводами гиматиях. Они одновременно опускали и поднимали полы, выкрикивая: «Ку-ку!» За «кукушками» с пляской шли обнаженные храмовые рабыни. В серебряных зеркалах, прикрепленных к их спинам, перекачивались, подобно медным шарам, смазанные жиром груди с позолоченными сосками, и вместе с ними плясало и переливалось во всей пестроте восточное сладострастие, не совместимое с именем той, которую эллины, а до них пеласги считали супругою Зевса и хранительницей святости брака.

Священную процессию замыкали авлеты. Прижатые к губам авлосы согласно выдували знакомую Пифагору с детских лет гулкую, дробную мелодию, которую называли «снопом», но звучала она менее стремительно и более протяжно, словно бы в нее каплями вливался тягучий, как мед, лидийский лад.

«Вот она, моя Итака, в бурном море перемен, – напряженно думал Пифагор. – О, как же не похож этот праздник на тот, что описан Асием! Владычица перестала быть одинокой. Гармония сделалась сложнее и запутаннее. И как постигнуть ее слагающие! Как вычислить формулу этих перемен и понять их смысл?»

Внезапно все умолкло. Скрылась бухта. Глазу открылся песчаный, ничем не защищенный берег с перемежающимися наподобие сосцов Кибелы холмами. Вместо посоха в руке Пифагора оказался меч необычайной формы, и он явственно ощутил тяжесть доспехов. Взгляд привлек зеленый островок. Из-за островка в нескольких стадиях от берега вышли корабли. Ветер надувал их розовые от заката паруса. «Ахейцы! – мелькнуло в мозгу. – Надо предупредить Приама».

Видение исчезло так же мгновенно, как и появилось. Слух наполнился гулкими ударами молотов, выбивавших клинья на бревнах. Киль под ликующие вопли заскользил по бревнам, и самояна, как утка, закачалась на волнах.

И вдруг неожиданно для себя Пифагор запел, сначала тихо, про себя, а потом все громче и громче. Один из устроившихся в тени платана игроков в кости, кинув на утоптанную землю астрагал⁹, удивленно пробасил:

– Слышь, как подпевает босоногий.

⁷ Пеплос – греческая женская одежда без рукавов, сколотая на плечах пряжкой.

⁸ Электр – сплав золота и серебра, известный уже в глубокой древности.

⁹ Астрагал – игральная кость, обычно четырехгранная, бросаемая игроками поочередно.

Сказав это, он, кажется, лишь увидел поющего Пифагора, но не вслушался в его песню, ибо даже подвыпивший по случаю праздника гуляка должен был понять, что рожденная голо-сом незнакомца мелодия не имеет ничего общего со звучащим в отдалении пеаном¹⁰, а если бы пение услышал человек, наделенный воображением и музыкальным слухом, он с первых же тонов понял бы, что мелодия не похожа ни на одну из когда-либо звучавших и, более того, что она выражает истинную, скрытую от непосвященных суть богини, которую ионийцы называют Герой, а обитавшие до них на острове лелеги – Керой, что на их языке означало «корень».

«Откуда этот напев? – думал Пифагор, двигаясь в обход агоры к улице Древоделов. – Не от испарений ли от этой древней земли? Или его нашептало море, по которому плыл Орфей? Видение опять вернуло меня к первому из моих земных существований. Ахейцы совершили очередной набег на Троию. А что стало с моей Парфенопой, где она закончила свои дни? И долго ли можно еще жить, оставаясь в неведении? Как раскрыть эту обжигающую тайну? Уже видны ворота. Нет, не Скейские¹¹, а Кузнечные».

Сердце Пифагора защемило. Взгляд выхватил старый дом, сиротливо зажатый между двумя новыми с башенками по углам. Тот же матовый цвет стен. Гнездо на шесте у кровли. Аист повернул белую, как гипс, голову и что-то невнятно прокричал. «Тот ли это аист, что меня напутствовал, или его сын? – думал Пифагор. – И сколько лет живут аисты? Воюют ли пигмеи с аистами или журавлями? Вопросы! Вопросы!..»

Отец

Послышался знакомый с детства звук, напоминавший стрекотание кузнечика. Резец возвратил Пифагора в юность, словно бы и не было этих долгих лет скитаний и он снова сидит рядом с отцом, наблюдая, как под его пальцами в твердый камень вписывается изображение.

Пифагор толкнул дверь и охватил лесху беглым взглядом. Ларь с углами, сбитыми чеканной медью, деревянная скамья с растопыренными ножками, стены, украшенные керамикой с геометрической росписью. Стол у окна, и за ним сгорбленная фигура. Поседевшая голова, и над нею в солнечном луче столбик каменной пыли. «Но почему так пусто? Где же мать? Где брат? Неужели нас осталось двое?»

– Что же ты медлишь, Пифагор? – послышался голос отца. – Ну вот я и дождался тебя. Но мать... – голос задрожал.

Пифагор бросился к старику, подхватил его вместе с сиденьем, прижал к груди.

– Довольно, отец, – произнес он нежно. – Помню я тебя насмешливым, гневным, нежным, решительным, раздраженным... однажды, на свадьбе брата, пьяным. Плачущим – вижу впервые.

Мнесарх смахнул со щеки слезу.

– Сегодня утром я проснулся так, будто меня схватили за грудь и трянули. А до того я видел тебя в полудреме рядом с седовласым незнакомцем, лицо твое то возникало, то исчезало, ты спрашивал: «Не остров ли это феаков?» Раньше со мной такого не случалось!

– Да. Порой открывается нечто, во что верится с трудом. К таким явлениям ныне устремлены мои мысли.

Пифагор опустил голову.

– Что нет матери, я понял сразу. Но почему ты один? Где наш Эвном? Неужели и он?!

Мнесарх попятился к выходу, и стало слышно, как крюк с жалобным скрипом входит в желоб наружной двери.

¹⁰ Пеан – гимн, чаще в честь Аполлона, но также и других богов.

¹¹ Скейские ворота – ворота Трои, обращенные к морю, с видом на лагерь ахейцев.

– Твой брат – беглец, – проговорил он, возвратившись, – Эвном присоединился к изгнанникам. Хотел взять с собой и меня, но я верил, что ты жив. Почти каждый день, когда не было работы, ходил в гавань.

– Погоди, отец. Объясни, что угрожало Эвному? От кого он бежал? О каких изгнанниках ты говоришь?

– Поликрат! – почти выкрикнул Мнесарх. – Второй Минос¹² и страшилище морей! Раньше у каждого, высаживающегося на ближние и дальние побережья, спрашивали: «Не разбойник ли ты?», а теперь: «Ты самосец?» Из-за Поликрата многие покинули остров, а некоторых он выслал. Разорены геоморы¹³. Отнятыми у них землями и рабами вознаграждены ничтожные людишки и жадные до чужого добра пришельцы. Раньше в саду Астипалеи звучали кифары, ныне все заглушает боевой клич упражняющихся критских наемников. Поликрат захватил власть с дюжиной воинов, а удерживает ее, держа тысячу.

Мнесарх, задохнувшись от волнения, замолк и через мгновение продолжил:

– Помнишь Феспиду?

– Как не помнить? Это было первое в моей жизни плавание на соседнюю Икарию. Как возвышенно он пропел нам свои стихи! И даже вкус яблок его помню. Яблоня с большим дуплом прямо у дома росла. В дупле я любил прятаться. Детская память цепка.

– Так вот. Навез Поликрат на наши острова наксосских коз. Они Икарию превратили во вторую Рипару. Ты знаешь, я человек некровожадный, но всех бы коз переколол. Да нет, – он засмеялся, – вкопал бы два столба и к ним большую доску приколотил с надписью: «Хайре, прохожий! Убил ли ты козу?»

– А с Феспидом-то что?

– Куда-то уехал. Выжили его козы. А о нашем городе что тебе сказать? Распущены священные филы¹⁴. Город теперь разделен по тысячам, назначены тысячники, им кроме сбора податей поручена слежка. В конце каждого года мы сообщаем о своих доходах и отдаем тирану их десятую часть, словно Аполлону. Когда будешь отмечаться у нашего тысячника, не говори лишнего. О бегстве Эвнома ему неизвестно. Сопровождая торговые суда в Кирену, Эвном, как мне стало известно, привел свою триеру в Пелопоннес.

Пока это удастся скрывать. Но надолго ли? Вот так мы живем. Пугаемся собственной тени. Всюду согладатаи. Поначалу твое решение повидать мир...

– Это не так, отец! На чужбину меня погнало не любопытство, не жажда странствий.

«Бедный мальчик...» – подумал Мнесарх.

– Все не бедный, – возразил Пифагор, прочитав мысли отца. – Да пойми же наконец, мог ли я здесь жить спокойно, когда об Илионе распространяют всякую напраслину?!

– Да, – обреченно проговорил Мнесарх. – Но ты еще ничего не рассказал о себе. Где ты был все эти годы, у кого и чему учился? Впрочем, одного твоего учителя я знаю. Он был здесь и интересовался тобою.

– Так ты знаком с Ферекидом Сиросским! Да, я сначала побывал на Сиросе. А потом... Мне легче назвать страны, где я не был. А не посетил я Египта и лежащей за ним пустынной Ливии, а также сожженной Гелиосом Эфиопии. Не был в Тиррении и в землях живущих к западу от нее варваров. Также не испытал леденящего скифского холода. Главная наставница моя – природа – беседовала со мной на языках камней, животных и растений. Смысл ее поучений казался поначалу темным. И как будто лишь теперь я начинаю понемногу постигать отдельные отрывочные слова ее дружественной и одновременно враждебной нам речи. Потре-

¹² Минос – легендарный царь Крита, при котором остров достиг небывалого могущества на морях.

¹³ Геоморы (дословно – «землевладельцы») – на Самосе так называли знать, поскольку основой ее могущества были земельные владения.

¹⁴ Филы – родовые деления в Греции, вплоть до замены их территориальными филлами составлявшие основу общества. В ионийских городах чаще всего были четыре филлы.

бывались Геракловы труды. Меня гнало от одной науки к другой, от учителя к учителю. Я, как птенец, ненасытно поглощал вкладываемую в меня наставниками мудрость, пока у меня не отросли крылья и не появилась тяга к полету.

– А потребности завести свое собственное гнездо ты не почувствовал? – нетерпеливо перебил Мнесарх.

– Если имеешь в виду семью – нет. Но я чувствую себя созревшим для создания школы, где сыновей заменят ученики. Их будет волновать не имущество учителя, а только то, чему глупцы и невежды не придают значения, – знания, опыт, искусство красноречия. Я вернулся, чтобы создать такую школу здесь, но все то, что ты рассказал, меня настораживает. Не придется ли отправляться с веслом на плече к каким-нибудь варварам, никогда не видевшим моря, и идти, пока не спросят: «Куда же ты, чужеземец, собрался с лопатой?»

Мнесарх поднял глаза.

– Гера милостива! Оберегла от варваров, – может быть, услышав наши мольбы, и от Поликрата избавит.

– Но не будь Поликрата, Самосом, как всеми другими ионийскими городами, владели бы персы! Стоит ли обращаться к Гере с подобной мольбой? Просто, по обычаю предков, воздадим ей хвалу. Я к этому уже готов.

– Не торопись, мой сын. Надо же тебе отдохнуть с дороги, а мне купить ягненка или поросенка.

– О нет, кровавых жертв я не приношу. Я видел во двореике куст пылающих роз. Этого достаточно.

Священная дорога

Сразу же за воротами по обе стороны дороги, прорезавшей заболоченную низину, замелькали гробницы с квадратными и овальными стелами, обращенными в сторону города. На самом древнем из городских некрополей нашли упокоение почтеннейшие из геоморов. Засохшая трава, отбитые углы живо дополнили рассказ отца об изгнанниках, лишенных отцовских могил.

Они остановились у одной из стел. Пифагор, наклонившись, прочел вслух:

– «Иадмон, сын Филарха, радуйся!»

Мнесарх прикоснулся пальцами к выщербленному краю.

– Радуйся... – произнес он с горькой усмешкой. – Знал бы ты, мой благодетель, кто владеет твоими угодами под Керкетием и где скитаются твои сыновья и внуки. Знал бы ты, что на твоей могиле нет ни лент, ни окропленных благовониями восковых цветов, а обезображенная стела покрыта птичьим пометом... Сам Гермес не отыщет того, кто носит смарагдовый перстень, который я вырезал для тебя. И кто о тебе помнит?

Пифагор неожиданно рассмеялся.

Лицо Мнесарха вытянулось.

– Не говори так, отец! Месяц назад в Китионе подошел ко мне оборванец, обосновавшийся рядом с моим гостеприимцем и знавший, что я самосец, и спросил меня с ухмылкой, как поживает Иадмон.

– Не может быть! – воскликнул Мнесарх. – Как могут знать Иадмона на Кипре, если он забыт у себя на родине?!

– Да ты послушай! – продолжал Пифагор. – Из дальнейших слов этого бродяги я понял, что Иадмон и его раб фригиец Эзоп стали героями сочиненной каким-то бездельником басни, будто первый – дурень и нечестивец, а второй – умник и остро слов. Черни захотелось иметь собственного героя. Кто гордится царем Кекропом, а кто – рабом Эзопом! Впрочем, на Востоке об Иадмоне ничего не слышали, но едва произнесешь, что ты самосец, как начнут склонять

лисицу с зеленым виноградом, волов и кряхтящую телегу или чурбан, ставший царем у лягушек. Таковы причуды молвы!

Дорога постепенно заполнялась людьми. Загорелый рыбак тащил на плече белого персидского петуха, молодая женщина – голубя в клетке, пастух за спиной – барашка, старец под мышкой – гуся: дары за спокойное море, за рождение первенца, за удачный приплод. Все торопились встретиться с богиней.

Вскоре открылся Имбрас, ранее скрывавшийся за городской стеной. Извиваясь голубой змейкой, поток полз к заливу. С противоположного, плавно поднимающегося к горам берега донесся свирепый лай. Огромные молосские овчарки сгоняли овец в курчавые, меняющие очертания прямоугельники.

Пифагор недоуменно пожал плечами:

– Овцы на угодьях Геры? Помнится, здесь до самого моря тянулись грядки. Самосскую капусту хвалили даже лучшие эллинские огородники – мегарцы.

Мнесарх махнул рукой.

– Стада повсюду. Что Поликрат сделал с нашим островом! Ты не увидишь и наших знаменитых виноградников. Овцы завезены из Азии и Аттики, козы – с Наксоса. И эта зараза за десятилетие исковеркала все. Люди забыли запах свежеспаханного поля. Видишь ли, овцы и козы дают больший доход. Самосские пеплосы и гиматии ныне соперничают с милетскими, дешевые сосуды с самосским клеймом идут нарасхват. Раньше славились самосские розы, теперь – самосские козы.

– Козы?

– Ну да. Так называют обработанные козьи кожи для письма, вытеснившие из оборота египетский папирус даже в соседних с Египтом странах.

Солнце начало припекать, и путники свернули к одиноко белевшему среди кипарисов каменному столбику, увенчанному горделиво вздернутой юношеской головкой.

– Будь благословен, сын Майи, – проговорил Мнесарх, протягивая к герме руки.

Повернувшись к сыну, он сказал:

– Присядем. Сам Гермес указал нам место для отдыха.

Они устроились на смоковнице, судя по всему, поваленной бурей. Мнесарх тяжело дышал.

– На днях тебе станет легче, отец, – произнес Пифагор озабоченно. – В атмосфере нарушено равновесие. Дождь вернет дыхание.

Мнесарх удивленно взглянул на сына. На небе не было ни облачка.

На дороге появилась стайка девушек. Они непринужденно болтали и смеялись. Одна из них, самая молоденькая, неожиданно остановилась. В ее обращенном на Пифагора взгляде вспыхнул восторг. На светлом, с высоким белым лбом лице выделялись продолговатые глаза темно-каштанового цвета.

– Прекраснейший из мужей, подари мне твой цветок, – проговорила девушка.

– Прочь, бесстыдница! – крикнул Мнесарх. – Портовые девки... – небрежно бросил он. – Их квартал в пригороде, на месте старой палестры, называют самосской клоакой. Он известен всем мореходам от Боспора Киммерийского до Сицилии.

– Что ты застряла?! – прокричала одна из ушедших вперед подруг.

Девушка, словно очнувшись, поспешила на ее зов.

– Как она чиста и миловидна для блудницы, – проговорил Пифагор, глядя девушке вслед. – И конечно бы она получила цветок, если бы Гера благоволила к четному числу.

– Миловидна каждая девушка, пока Гера не превратит ее, как Ио¹⁵, в корову, – раздраженно проговорил Мнесарх.

¹⁵ Ио – юная жрица, дочь Аргоса, возлюбленная Зевса.

Они вновь вышли на дорогу.

– Скажи, отец, – проговорил Пифагор, – почему ты, не имея земель и обходясь без рабов, осуждаешь Поликрата за его меры против геоморов? Вспомни, что и в Афинах Солон, хотя он сам был знатного рода, лишил эвпатридов¹⁶ их преимуществ. К тому же Поликрат спас остров от персов. Ведь на нашем Самосе нет залежей золота и серебра. Их заменили овцы и козы – для строительства самоян требовались деньги... Выходит, овцы спасли остров от персов.

– Не знаю, что тебе сказать.

– Вот я вижу – течет полноводный Имбрас, – продолжал Пифагор. – Если бы Поликрат не приказал пробить Ампел, река бы давно высохла и воды на столь разросшийся город могло бы не хватить. И конечно же без большого количества рабов такой труд не осуществить. Пришлось вести войну.

– Но Поликрат вел войну с эллинами! – вставил Мнесарх. – Рабами сделались не варвары, а лесбосцы. Среди них – представь себе! – был племянник Сапфо, и он не возвратился на свой остров.

– Видимо, погибло много других лесбосцев и нелесбосцев. Поликрат для обитателей Лесбоса и других неионийских островов хуже чумы; для ионийцев же, поработанных персами, насколько я понимаю, он величайший из героев. Злодей и герой в одном лице! Такую двойственность можно обнаружить едва ли не во всем. В рассказах эллинов и варваров о богах и героях и об их противниках – титанах и драконах, если, конечно, повествователь не Гомер, есть много такого, что может быть сочтено выдумкой, но в выдумке немало правды, иногда высшей. Зло и добро, невежество и мудрость, вымысел и правда, женское и мужское – ни одно не может обойтись без другого, ему противоположного, создающего равновесие и рождающего гармонию. Но вот я вижу храм Геры. Прервем нашу беседу до поры.

Герайон

Остов огромный разобран на блоки,
Люди на известь их пережгли.
Я по Священной шагаю дороге,
Ноги мои по колено в пыли.

Но ведь не занято храма пространство,
И возникает в сознании он.
Здравствуй, мое Пифагорово царство
С мраморно-белым лесом колонн.

Святылище высилось на холме. Обращенное колоннадой к морю, оно сбегало к нему широкой гранитной лестницей. Вместо одного ряда колонн выросло пять, завершающихся изящными капителями. Фронтон заполнился мраморными, пестро раскрашенными фигурами. Левый угол его захватил полулежащий бородатый муж с рожками на курчавой голове. Конечно же это поток Имбрас. Центр заняла ива с раскинувшимися по обе стороны ветвями, образующими некое подобие шатра. В нем – изображенная по пояс женская фигура. В благословляющем жесте руки, в сдержанном повороте украшенной диадемой головы ощущалось величие. Гера выходила из земли, поддерживаемая двумя девами. В правом углу полулежала обнаженная молодая женщина с флейтой – наверняка Окироя. Имбрас и его дочь – свидетели появления на свет великой богини, покровительницы Самоса.

¹⁶ Эвпатриды – афинская знать.

«О, как же это все не похоже на храм Феодора! – размышлял Пифагор. – Утрачено гармоническое изящество геометрических линий. Треугольник, ключ вселенной, отягощен чуждой ему сценой. И разве чудо нуждается в свидетелях? С лица Геры ушла беспомощная, застенчивая улыбка, присущая старинным священным изображениям.

Прижатые, словно приросшие к телу руки, отделившись, приобрели женскую полноту. Азия не только захватила ионийское и эолийское побережья, она, перешагнув пролив, овладела душами новых самосских художников, презревших древний отеческий стиль».

Пифагор поставил ногу на ступень.

«Сколько потребуется столетий, чтобы она сравнялась с теми, истертыми», – подумал он и проговорил:

– Но это же другой Герайон.

– Конечно, другой, – отозвался отец. – От Герайона твоего детства не осталось и следа.

– Пожар? – спросил Пифагор.

– Началось это так, – нахмурился Мнесарх. – Вскоре после того, как Поликрат с дюжиной гоплитов¹⁷ внезапно захватил акрополь, поддерживавшая его толпа рассыпалась по городу. Многие геоморы в надежде найти убежище бежали в Герайон, но преследователи отрывали людей от алтаря, выволакивали наружу и убивали. Великий храм сгорел от опрокинутого светильника. Гасить было некому.

– Какое несчастье!

– Тиран дал обет отстроить святилище, – продолжил Мнесарх. – Может быть, он будет богаче и краше прежнего, построенного Ройком¹⁸ и украшенного Феодором, но разве то, что я пережил, можно забыть?

– Ты тоже скрывался в храме, отец?!

– Нет, в тот день я там работал вместе с Феодором. Учитель попытался преградить вход в храм и был раздавлен.

– А кто же этот Поликрат, ставший тираном? Чужеземец?

– Да нет, он коренной самосец, по отцу потомок Анкея. Ты должен помнить Эака.

– Припоминаю. Кажется, у него был сын Пантагнот по кличке Кривой.

– Это младший. А старшие, Силосонт и Поликрат, были наемниками на службе у фараона Амасиса. Пантагнота за строптивость Поликрат, придя к власти, почти сразу убил, а с Силосонтом несколько лет правил вместе, но потом избавился и от него, и тот отправился в Египет. Сейчас Силосонт на Пелопоннесе, где возглавляет самосских беглецов. Добивается власти, полагая, что по старшинству она должна принадлежать ему. Самосцы говорят о нем с уважением. Но что я все о Поликрате...

Отец и сын медленно поднялись по ступеням и через проход, образованный двумя пахнущими кедровой смолой столбами (видимо, дверь еще не была готова), вступили в храм. Взгляд Пифагора нащупал поодаль грандиозный квадрат алтаря пепельного цвета и в центре его зеленеющую иву.

Пифагор приблизился к алтарю и положил на его край, рядом с кучей медовых лепешек, три розы. Затем, спустившись, он подошел к отцу, стоявшему среди богомольцев с чашами в руках. В их глазах Пифагор прочел удивление. Конечно же им никогда не приходилось наблюдать за таким жертвоприношением.

Обойдя алтарь, отец и сын прошли к главной святыне храма – ксоану¹⁹.

– Взгляни! – воскликнул Мнесарх. – Огонь не тронул Геры.

¹⁷ Гоплиты – греческие тяжеловооруженные воины.

¹⁸ Ройк, сын Фидея, – самосский литейщик и архитектор.

¹⁹ Ксоан – деревянная статуя. Поскольку во времена Пифагора статуи высекали из камня, ксоаны были признаком глубокой древности и пользовались особым почитанием.

– Но ксоан почернел, – отозвался Пифагор. – И вот трещина. Раньше я ее не видел.

Пифагор не мог отвести от ксоана взгляда. И на мгновение ему показалось, что из трещины вырвалось пламя и он уже не видит ничего, кроме пламени. Оно съело все вокруг. Исчез отец. Скрылось солнце. Над горизонтом угрожающе навис серп месяца. Пифагор ощутил сильный порыв ветра. Что-то больно ударило его по голове. В легкой дымке перед ним возник старец, прижавшийся спиной к могучему стволу дуба. От нового порыва ветра на землю градом посыпались желуди, загудели привязанные к ветвям рога.

– Тебе повезло, Эвфорб, ты избежал этой бури, – издали послышался голос Анкея. – Смотри, в каком исступлении нынче море. Опоздай ты на день, твой корабль разнесло бы в щепки. Не иначе, тебя оберегала святыня. Передай царю, что его дар станет знаком вечной дружбы нашей Кипарисии с Троей и что мы, лелеги островов, не оставим братьев в беде.

– Ахейцы уже удалились, – проговорил Эвфорб не сразу, – Трое ничто не грозит. Беда обрушилась на нас с тобою. Это было перед той ночью, когда лик Селены покрылся копотью, как щит, повешенный над очагом в мегароне²⁰. Парфенопа со служанками была на берегу. Она похищена...

Рев бури прекратился так же внезапно, как и возник. Наступила тишина. Рядом по-прежнему стоял отец. Пифагор уловил в его взгляде беспокойство.

– Да ты меня не слышишь? Что с тобой?

Пифагор встряхнул головой:

– Теперь слышу. Идем.

Они остановились перед раскрашенной деревянной статуей египетского стиля.

– А это чей дар? – удивился Пифагор.

– Не знаю. Его доставила Родопея, любимая наложница Амасиса. Девочкой была она на Самосе рабыней, а теперь – почетная гостья Поликрата. Вот до чего мы дожили.

– Взгляни, отец. В руках идола жезл и плеть. Это священное изображение фараона. Такого за пределами Египта еще не было.

– Но ведь Амасис – союзник Поликрата.

– Однако что его могло заставить пойти на такой шаг? Кажется, фараон уже не доверяет своим богам или опасается, что его священные изображения будут разбиты? Боюсь, что Поликрат вскоре окажется лицом к лицу с царем царей.

У выхода Пифагор оглянулся и обвел взглядом храм. Отыскав ксоан Геры, он зашевелил губами. Понимающий речь губ услышал бы его беззвучный пеан:

Радуйся, Гера Самосская, трижды священная,
Дар мой принявшая за возвращение!
Радуйся, радуйся, вечно живущая!

Агора

Видения обрушивались на Пифагора как ураган. Тогда ему начинало казаться, что все его поиски и занятия не имеют никакого смысла, и что-то безудержно тянуло в ту жизнь, где он был не мыслителем, а воином. Если каждое мгновение последней жизни, начиная едва ли не с младенческих лет, он мог вспомнить по дням и часам, то та, самая древняя, состояла из

²⁰ Мегарон – в греческом эпосе главное помещение дворца и дома культового назначения.

обрывков, и никто не мог ему помочь восстановить последовательность событий, участником которых он себя постоянно ощущал.

Взгляд, брошенный на ксоан, напомнил Пифагору давнее, еще в той, первой жизни посещение Самоса и встречу с Анкеем, о том, что он должен был посетить царя Мурсили. Но над каким народом тот царствовал? Где находилось его царство? Какова цель посольства? Об этом не было сведений ни у Гомера, ни у Гесиода, ни у Асия. Отыскать бы хоть какой-нибудь предмет из той жизни и сделать его своим проводником в прошлое! И он отправился на агору.

Агору охватывала каменная стена. У ворот взгляду открывался гелиотропий²¹. Люди равнодушно проходили мимо, не осознавая, что перед ними лик вечности. Пифагор вспомнил, как тридцать лет назад, еще мальчиком, он вместе с отцом, находясь в толпе, наблюдал, как рабы, которыми руководил седобородый муж, устанавливали эту причудливо расчерченную плиту. Отец шепнул: «Запомни – это мудрец Анаксимандр. Гелиотропий – копия того, что он установил у себя на родине, в Милете».

На всю жизнь врезался в память облик этого человека – с окладистой бородой, лбом, испещренным морщинами, размеренными неторопливыми движениями, и он ему показался тенью самого времени. Позднее, во время своих странствий, Пифагор увидел такие же часы в Вавилоне и узнал, что там они появились на столетие раньше. Но все равно, был ли Анаксимандр изобретателем или подражателем вавилонян, гелиотропий стал для юноши подлинным чудом света, первой моделью космоса. Пространство и время на этой каменной доске находились в полном соответствии – ведь ее деление на двенадцать частей выражало соотношение времени и пространства. Передвижение гномона от одного деления к другому зимой указывало на одну величину, летом – на другую.

Позднее, уже на Спросе, Пифагор услышал от первого своего учителя Ферекида о величайшем из открытий, сделанном тем же Анаксимандром, – о том, что Луна – потухшее тело, отбрасывающее заемный свет Гелиоса. Тогда он сразу написал Анаксимандру, но получил ответ от его ученика Анаксимена о кончине учителя.

Миновав ворота, Пифагор окинул взглядом агору, столь не похожую на шумные финикийские базары. Не слышалось обычных выкриков. Господствовал установленный зрителями порядок. Вскоре он оказался у столика менялы с разложенными на нем монетами разных городов, в просторечье именованными по выбитым на них изображениям дельфинами, пчелками, львами, колосками. Столик словно бы охватывал весь эллинский мир – не только ближайшие полуострова и острова, но самые отдаленные области, куда уже проникла эта новинка, видимо, не случайно изобретенная одновременно с гелиотропием.

Заметив внимание к своему товару, меняла подошел к Пифагору и стал его убеждать, что дешевле он нигде не совершит обмена.

Пифагор поспешил отойти, понимая, что здесь ничто не напомнит о жизни в Илионе, которую он силился восстановить, но меняла не унимался:

– Я могу перевести твои деньги в Эфес, Милет, Афины, куда тебе угодно, даже в Сиракузы, и всего за пять на сотню.

Пифагор ускорил шаг.

– За три на сотню! – крикнул меняла вдогонку.

Больше всего народа толпилось в рыбном ряду. Здесь был выставлен только что вытасченный улов, и самосцы, обступив корзины, перебирали скользких, бьющих хвостами и шевелящих клешнями обитателей морских глубин.

Заглядевшись, Пифагор едва не столкнулся с критским наемником в доспехах, несшим в шлеме яйца и зелень.

– Не скажешь ли, приятель, где тут лавка оружейника? – обратился он к воину.

²¹ Гелиотропий – солнечные часы.

– Вон там, за скотными рядами, – отозвался тот на ходу.

Лавка оружейника была пуста, и хозяин ее полудремал.

При виде Пифагора он вскочил и стал нараспев расхваливать свой товар.

– Вот мечи из лаконской стали! Вот копья! Щиты коринфской работы, дешевле, чем в самом Коринфе! Поножи с Кипра! Фиванские шлемы! Превосходный критский лук и самшитовые стрелы! Вооружу на любую войну!

Пифагор взял в руки меч.

– Оружие прекрасное. Но оно для современного боя. А нет ли у тебя в продаже старинных пекторалей и боевых топоров?

– Старья не держим. Но если для забавы, а не для боя... Видишь, вон там, в конце ряда, лавка. Там скупают металл для переплавки. Может, что отыщешь.

Лавка старьевщика в полной мере соответствовала своему названию. За каждым из многочисленных предметов, разбросанных на полу и развешанных по стенам, была своя долгая жизнь, теперь уже никому не интересная и не нужная. Это было кладбище быта, по которому можно представить, как изменялась жизнь на острове за двести, если не более, лет. Котлы, топоры, сломанные ободы. Поначалу ни один из этих предметов не вызвал у Пифагора никаких воспоминаний о прошлой жизни. Но вдруг его взгляд остановился на валявшихся за прилавком слитках, напоминавших по форме бычьей шкуры.

Заметив взгляд Пифагора, торговец поднял один из слитков и положил на прилавок.

– Сегодня утром приволокли ловцы губок. Никто не знает, что это такое, но вещи явно древние. У Паруса в старину, как и ныне, разбивалось много кораблей. Металл хороший, чистая медь. Можешь вделать в дверь и отчеканить свое имя...

Старьевщик продолжал говорить, явно не догадываясь, что перед ним древнейшие деньги и что на одну из таких плиток в старину можно было бы приобрести полное воинское снаряжение.

Голос его постепенно стал затихать, пока совсем не исчез, и Пифагор перенесся в милый ему мир.

– Не рискуй, Эвфорб! – явственно услышал он голос Анкея. – Видишь, как кипит море. Корабль вот-вот расколется. Тебя смоят волны.

– Но мне нужны крепкие мечи. Алашия вновь не расщедрится. Кетейский царь в долг ничего не даст. Конечно же всех бычков мне не увезти, но хотя бы часть.

– Так что же ты молчишь? – донесся голос старьевщика. – Вещь-то стоящая.

– Я возьму одного бычка, – проговорил Пифагор, протягивая торговцу драхму.

Клисфен

По пути к дому Пифагора остановил муж лет двадцати пяти. Мягкий петас с загнутыми наверх краями открывал высокий лоб и темные волосы, стянутые сзади в тугий узел.

– Скажи, как добраться до Герайона?

Пифагор повернулся к городской стене.

– Видишь эти ворота? За ними начинается Священная дорога. Она напрямик приведет в храм. Он на островке в устье реки.

– А мне говорили, что храм на агоре, – удивился чужеземец.

– В старину располагали храмы подальше от обмана не только у нас, но и у тебя в Афинах.

– Как ты догадался, что я из Афин?

– По выговору.

– Да, ты не ошибся. Будем знакомы. Меня зовут Клисфеном.

– Какое великое имя! – воскликнул Пифагор. – Еще в юности я восторгался Клисфеном, властителем Сикиона, узнав, что им запрещено публичное чтение Гомера. Конечно же у меня и у твоего тезки разные причины возмущения Гомером. Сикионец ненавидел Гомера за то, что городская знать считала его героев своими предками и требовала на этом основании почетных привилегий, я же не прощаю Гомеру того, что он навязал нам Трой, войну, какой не было.

– Мне приятно твое суждение о Клисфене, – произнес афинянин. – Это мой дед по матери. Должен тебе, однако, заметить, что отец мой, будучи ненавистником Писистрата, отнявшего власть у порядочных людей, одобрял его распоряжение о записи песен Гомера, и не только потому, что слепец воспел нашего прародителя Нестора, – с Гомера началась эллинская поэзия. И еще он хвалил Писистрата за открытие библиотеки.

– О библиотеке слышу впервые! – перебил Пифагор. – Интересно, много ли в ней свитков и как они достались Писистрату?

– Этого не знаю. Писистрат отправил нашу семью в изгнание еще до открытия библиотеки. Я из рода Алкмеонидов.

– Я это понял из твоих слов о Несторе. Наш Поликрат также изгнал знатных самосцев.

– Ты не назвал своего имени.

– Пифагор, сын Мнесарха.

– Меня, Пифагор, заинтересовало твое столь необычное суждение о Гомере. Ты говоришь, что его описание Трои ложно. Какой же, по-твоему, была подлинная Троя, которую осаждали ахейцы?

– Осаждали! И ты веришь этой басне?! – воскликнул Пифагор. – Откуда бы у варваров взялись силы для осады великого города? Они лишь совершали набеги на Троаду.

– Так ты считаешь, что не было войны? – растерянно проговорил Клисфен.

– Поразмысли сам: откуда Гомеру могло быть известно об осаде и взятии Трои? Ведь он муж настолько незнатного происхождения, что даже постыдился назвать своих родителей.

– А ты, я вижу, из геоморов! – обрадовался Клисфен.

– Нет, я не из геоморов. Но по матери мой род восходит к кормчему «Арго» Анкею. По возвращении из Колхиды Анкей возблагодарил Геру за помощь в плавании и воздвиг владычице храм из стволов кипариса. Остров тогда назывался Кипарисией. Если ты хочешь узнать об Анкее, прочти поэму Асия. Не знаю, имеется ли она в библиотеке Писистрата, но у нас ты ее легко найдешь.

– У меня мало времени. Видишь ли, после кончины моего отца Гиппий и Гиппарх, сочтя, что я им неопасен, разрешили мне вернуться в Афины. Но кто знает, что на уме у тиранов и не придется ли мне снова бежать из Афин, бросив все. Вот почему я решил оставить деньги на приданое дочерям здесь, где часть своего состояния хранил отец моей матери.

– Как! У тебя уже дочери на выданье?! – удивился Пифагор.

– О нет. Старшей – пять, младшей – три, но дети, как цветы, растут быстро, и, если не позаботиться о них сейчас, дочери могут остаться бесприданницами. Если у тебя будет время, а я удержусь в Афинах, давай встретимся и продолжим нашу беседу там.

– С удовольствием. И как тебя найти?

– Сначала дома нашего рода были на акрополе. Теперь же тебе придется идти в Керамик, и там любой скажет, где мое пристанище.

Ливень

Такого ливня на Самосе не помнили старожилы. И от отцов своих о подобном не слыживали. Удивительнее же всего было то, что дождь захватил только один остров, а на ближайшем к нему материке и на соседней Икарии не выпало ни капли Зевсовой влаги.

Ливень внезапно начался на рассвете и безжалостно хлестал весь день прямыми струями. По улицам к гавани неслись грозовые потоки, и каждый дом превращался в островок. С кровельных черепиц и уличных камней смывалась вековая пыль. На валунах, каких на Самосе великое множество, обнажались невидимые трещинки, и эти громады, казавшиеся ранее безликими, обретали человеческий или звериный облик. Это было врезавшееся в память самосцев великое очищение, и долго после него можно было слышать: «За год до ливня» или: «Через год после ливня, предвестника слез». Поэтому и возвращение Пифагора многие самосцы впоследствии связали с этим событием. Не зная о том, что он появился незадолго до него, говорили: «Он пришел вместе с ливнем».

Под шум капель Пифагор перечитывал единственный сохранившийся в доме свиток – трактат Феодора об архитектуре. Его привлек раздел о соразмерности. Феодор, пользуясь законами геометрии, открытыми вавилонянами, перенес в строение храма пропорции человеческого тела. Так же как вавилоняне, он считал совершенным числом шестерку, исходя из того, что ступня составляет шестую часть тела. Ему была совершенно незнакома десятичная система, открытая индийцами и позволяющая пойти в познании устройства мира куда дальше, чем при счете дюжинами. «Десятка! – думал Пифагор. – Великое, совершенное и все производящее число в божественной и небесной, равно как и в человеческой, жизни. Без него все беспредельно, неосвязаемо и невидимо. В нем – гармония космоса. Оно несовместимо с завистью и обманом».

– Подойди ко мне! – послышался голос отца, и сразу же звякнул увеличительный хрусталь. Заскрипел отодвигаемый стул. Мнесарх встал.

Пифагор отложил свиток и подошел к столу:

– Можно взглянуть?

– Сейчас.

Отец погрузил кольцо в чашу с водой и обтер его полый хитона.

– Вот, взгляни!

К своему удивлению, Пифагор увидел на камне, как ему показалось, мифологическую сцену. Обнаженные тела, слившиеся в экстазе, были совершенны.

– Ты превзошел себя, отец! – воскликнул он, продолжая вглядываться. – Но скажи, кто эта красавица, привлекшая Пана?

– Эго не Пан. И не сатир. Видишь, голова без рожек? Перед тобой гетера с заказчиком, предложившим мне свой сюжет.

– Интересно, кому же захотелось иметь такой перстень? Конечно же не купцу, не мореходу, не...

– Не ломай голову. Подобный каприз мог возникнуть только у поэта.

Пифагор положил перстень на край стола.

– Тебе известны его стихи?

– Нет, но он представился поэтом, и в этом нет сомнения, поскольку он гость Поликрата. Тиран все время приглашает к себе знаменитостей. На его содержании в Летипалее живут многие. Незадолго до твоего прибытия Самос покинул поэт Ивик, кажется региец. Наш Асий, как понимаешь, не заказал бы такого перстня.

Пифагор улыбнулся:

– А если бы это и пришло ему в голову, кто бы мог в его время выполнить такой заказ? Резьба по камню, процветавшая в древности, возродилась лишь недавно.

Мнесарх вложил перстень в футляр.

– А заказчик лесбосец? – спросил Пифагор.

– Нет, беглец из ионийского Теоса, захваченного персами. Если он тебя интересуется, можешь отнести ему его заказ. Старец каждое утро проводит в гимнасии.

– Старец? – удивился Пифагор.

– Он моих лет. Зовут его Анакреонтом. Он рассказывает по городу в сопровождении рыжеволосого юноши-красавца, тоже гостя Поликрата. Разное о них говорят.

В гимнасии

Дорогу к новому гимнасию не надо было спрашивать. Его пропилеи²² издалека блистали мрамором колонн, выделяясь на фоне зеленой горы, которую Пифагор помнил с детства. Сквозь нее проходил теперь водный поток, охватывая гимнасий двумя рукавами и превращая его прямоугольник в полуостров.

Огороженное поле, полого спускавшееся к Имбрасу, занимали не более десятка атлетов, упражнявшихся в прыжках, беге и метании диска. Пифагор мгновенно определил того, кто ему был нужен, обратив внимание на юношу и старца, перебрасывавших друг другу мяч. Если он отлетал далеко, за ним вдогонку бежал мальчик лет четырнадцати. Тогда слышалось непривычное имя – Залмоксис.

Прошло немало времени, пока играющие обратили на Пифагора внимание, и старец, передав мяч юноше, приблизился.

Судя по седине и морщинам, ему было лет шестьдесят, но блестящие, коричневатого оттенка глаза придавали лицу юношескую живость.

– Не желаешь ли занять мое место? Эта игра, как и любовь, на троих не рассчитана. Мне же давно пора передохнуть.

Речь у него была чисто ионийской.

– Благодарю тебя, Анакреонт, – ответил Пифагор. – Но, право, ни в той, ни в другой игре у меня нет твоего опыта.

– Так ты знаешь меня? Откуда? Ты самосец?

Прочтя на губах собеседника произнесенные слова: «И где твои сандалии?», Пифагор улыбнулся.

– Мой отец Мнесарх посылает твой заказ.

– Триерарх!²³ Я о тебе слышал! – воскликнул Анакреонт, меняя тон.

– Нет, не триерарх. Триерарх – мой младший брат Эвном. Я – Пифагор и покинул остров задолго до того, как ты здесь появился, еще до прихода к власти Поликрата. Вот твой перстень.

Анакреонт поднес перстень к глазам и радостно закричал:

– Метеох!

Юноша поспешно последовал на зов, и Пифагор оказался лицом к лицу с самим совершенством. Увлажненные недавним напряжением волосы, разделенные спереди пробором, ниспадающая, подчеркивали матовую белизну щек и округлость подбородка.

– Взгляни! – обратился поэт к юноше. – Как раскинулась молодая кобылица на лугу Эроса!

Юноша скользнул по перстню рассеянным взглядом. Видимо, его мысли были заняты другим.

– Да посмотри же! Каков изгиб поясницы! Какая дымка страсти в глазах! Вот этим перстнем я буду запечатывать послания к тебе, если ты не раздумаешь уехать.

– Но ведь я должен навестить отца, – неуверенно проговорил юноша. – И вскоре вернусь.

– Должно быть, твой отец знатного рода? – вступил в разговор Пифагор.

– Его отец Мильтиад, владыка Херсонеса, страж проливов, в прошлом друг царя Креза, – ответил за юношу Анакреонт.

Пифагор, припоминая, наморщил лоб.

²² Пропилеи – предворотное сооружение в виде колоннады.

²³ Триерарх – начальник триеры.

Метеох улыбнулся:

– Мне кажется, Пифагору должен быть известен афинянин Мильтиад, сын Кипсела, оказавший гостеприимство варварам, растерянно бродившим по городу в поисках своего будущего правителя.

– Вот именно! – обрадовался Пифагор. – За свое долгое отсутствие я стал почти чужеземцем. Удивительную же историю о юноше, сидевшем у порога и окликнувшем чужеземцев в странных одеяниях с копьями в руках и открывшем им двери своего дома, я услышал на Спросе от учителя Ферекида.

– О том, что долонки передали моему отцу изречение пифии, согласно которому они должны избрать своим вождем первого, кто окажет им гостеприимство, тебе известно, – проговорил Метеох с гордостью. – Так вот, тяготясь владычеством Писистрата, отец отправился вместе со своими новыми подданными и частью афинян на Херсонес и отделил перешеек стеною, чтобы защитить его обитателей от набегов непокоренных фракийцев.

– У этой стены мы и познакомились, – вставил Анакреонт. – И когда Мильтиад отправил Метеоха с дружеским посланием к Поликрату, я взялся его сопровождать.

– Залмоксис! – крикнул Метеох. – Собери мячи.

– Какое странное имя... – заметил Пифагор. – Если я не ошибаюсь, оно означает на языке крестонеев – есть во Фракии такое древнее племя – «затихший», «заснувший». Это слово имеет тот же смысл, что наш «медведь», поскольку животное уходит в долгую зимнюю спячку. Не правда ли, Залмоксис?

Мальчик оживился:

– Да-да, на нашем языке «залмоксис» означает «медведь». Лучше не называть его настоящего имени, чтобы он не явился.

– Вот так, друзья мои! В те годы, когда предки ионийцев бродили по горам в звериных шкурах и жили в шатрах, родичи Залмоксиса – это были пеласги – населяли города, частично до сих пор сохранившие пеласгийские названия. Да и Эллада называлась Пеласгией. Пеласги обучили охотников и скотоводов земледелию, ремеслам и письму. Нет, не тому, которым эллины пользуются сейчас, а письму пеласгийскому, кое в чем напоминающему египетские иероглифы.

– Убедительно, – с едва заметной улыбкой проговорил Анакреонт. – Но почему же исчез такой великий народ, столь превосходящий эллинов? Ведь от него должно бы было остаться что-то посущественнее, чем названия.

– И осталось, – сказал Пифагор. – Во многих местах Эллады можно увидеть полуразрушенные стены, искусно сложенные из огромных камней. Эллины называют их киклопическими, сочинив басню, будто это дело рук одноглазых великанов-киклопов. Эти стены возведены пеласгами, и кое-где этого не забыли: афиняне, сохранившие город с пеласгийских времен, до сих пор называют акрополь Пеласгиконом. Есть такие руины и у нас на Самосе. Когда вы будете входить в Астипалею, обратите внимание на лелегскую кладку с обеих сторон ворот.

– Лелегскую?

– Или пеласгийскую. Как тебе больше нравится, – продолжил Пифагор. – Ибо лелеги – одна из ветвей пеласгов, у нас на Самосе от них кроме части стены осталось пещерное святилище и дуб Анкея в горах.

Глаза Метеоха загорелись.

– А это далеко отсюда? Как туда попасть? – спросил он.

– Очень просто. Завтра можем отправиться туда вместе. И не забудьте захватить факел.

Пещера чисел

Явь – это круговращенье.
Все остальное – сны.
Жизнь – это возвращенье
По правилам кривизны.

Дряхлое вровень юному.
Свет возникает из тьмы.
И незримыми струнами
В мире связаны мы.

Кажется, только здесь да еще на поросших лесом кручах Керкетия, самой высокой горной гряды, не было слышно собачьего лая и блеянья овец. Но именно овцам эта долина была обязана своей прозрачной чистотой. Узнав, что животные любят сельфий и мясо их приобретает от него удивительный аромат, Поликрат, еще в то время, когда у него гостил изгнанный из Кирены тиран Аркесилай, приказал засадить долину этим знаменитым растением и огородить огромную плантацию забором, чтобы дать ему разрастись.

Берег ручья, вдоль которого вилась тропинка, зарос ирисом и асфоделью. Над цветами кружились шмели и осы, наполняя долину гудением.

Лощина пошла на подъем. Посадки сельфия оборвались. Тропа вывела на каменную осыпь, белизну которой подчеркивали склоны красноватого оттенка с редкими невысокими кустиками колючих растений. Тропинка становилась все круче. И вот путники – на площадке под кроной дуба-великана, рядом со скалой, зияющей неровным черным отверстием.

– Священный дуб Тина, – проговорил Пифагор, подходя к стволу, – Тином лелеги называли Зевса. Здесь они вопрошали его волю, тряся в горшке вместо жреbieв желуди, здесь они принимали посланцев от других племен. А соседняя пещера не только укрывала от непогоды, но и была святилищем задолго до того, как у моря появился Герайон.

Узорные тени листьев пробегали по лицу Пифагора, придавая ему необыкновенную подвижность и одухотворенность. Его голос звучал глубоко и уверенно.

– Какой ты счастливiec, Пифагор! – внезапно воскликнул Анакреонт. – Ты избежал страха.

Пифагор удивленно вскинул брови:

– Какого страха?

– Липкого, обволакивающего. Тебе не пришлось, спасаясь бегством, оставлять родной город, родные могилы. Сколько раз я вспоминал Бианта, советовавшего ионийцам переселиться на огромный западный остров Ихнуcсу²⁴. Только здесь, на Самосе, благодаря гостеприимству Поликрата мне удалось обрести спокойствие. Я стал под звуки кифары славить вино и любовь. Самос вернул мне способность радоваться. Это было подобно второму рождению.

– Могу тебя понять, – сказал Пифагор. – Поликрат сделал Самос скалою спасения для эллинов, обитавших в Азии. Но скала дает приют немногим, и, может быть, пора вернуться к совету Бианта?

Под холмом появился Залмоксис. Запрокинув голову, он смотрел вверх.

– Взгляни, как этот юный варвар похож на Диониса, – проговорил Пифагор.

²⁴ Ихнуcса – древнее название Сардинии.

– Да! – согласился Анакреонт. – В руке тирс²⁵. И в поведении есть нечто сверхъестественное. Прошлой зимой этот юный раб проспал полмесяца, и мог бы больше, если бы его не разбудил Метеох. И, представь себе, в спячке он слышал все наши разговоры и сумел передать их слово в слово.

Раскачиваясь на ходу и, кажется, насвистывая и напевая, Залмоксис поднимался по тропинке, змеившейся среди редких пучков высохшей травы и колючего кустарника. Когда он остановился, блеснули глаза цвета лазурита. Его можно было бы принять за эллина, если бы не вздернутый нос и слегка утолщенные губы, которыми он сжимал стебелек сильфия.

– Кто твои родители, Залмоксис? – спросил Пифагор. – Расскажи о себе.

– Родителей я не помню. Меня подобрал младенцем охотник в лесу, точнее, в медвежьей берлоге. Я стал приемным сыном своего спасителя, крестоней.

Мальчик приподнял хитон, и открылась грудь с синими линиями рисунка: медведь на задних лапах с грозно разинутой пастью.

– Это его работа, – с гордостью произнес он. – Он был жрецом Бендис²⁶ и никому не доверял священных изображений угодных ей зверей. После гибели крестоней во время набега на херсонесских эллинов я оказался рабом.

Залмоксис отломил верхушку своей палки, оказавшейся полой, и принялся раздувать спрятанный там уголек.

– Оставайся здесь, – сказал Пифагор, когда мальчик зажег факел. – Придешь по моему зову.

Пифагор первым шагнул во мрак, за ним – Анакреонт и Метеох.

Мальчику было слышно все, что говорил Пифагор. Его голос, усиливаемый пустотой, приобрел необыкновенное, почти божественное звучание.

– «Почему я вас привел в пещеру?» – спросите вы меня. Во мраке вы лишены всего того, что потворствует обману его разума и служит источником заблуждения. Сюда не проникают лучи Гелиоса, катящегося по небу, подобно огненному колесу. На огромном расстоянии он видится окружностью, а на самом деле это колоссальный огненный шар, во много раз превышающий размеры Земли. Здесь не видно и звезд, которые кому-то кажутся гвоздями, прибитыми к небесной сфере, а это рассеянные в пространстве числа.

По шороху перекатывающихся камешков Залмоксис понял, что Пифагор перешел в дальнюю часть пещеры. Оттуда послышалось:

– Зрением и слухом обладают все населяющие землю существа. Каждое из них видит и воспринимает окружающий мир по-своему. Но только у человека есть некое мерило, позволяющее ему сопоставить наблюдения и ощущения, и ему для установления истины полезно порой оставаться во мраке и безмолвии.

Голос постепенно стихал, удаляясь, но через некоторое время он зазвучал явственнее.

– Небо подчинено всеобщему закону. В нем нет ничего оттого, что поэты именуют хаосом. Все небесные явления, отражающиеся в земной жизни, следуют с такой математической точностью, что мы в состоянии их предсказывать. Поэтому я называю мир космосом. Мне кажется, я знал об этом уже тогда, когда был Эвфорбом и сражался под стенами Микен с Менелаем.

Раздался шум перебивающих друг друга голосов. Пифагор и Анакреонт вступили в спор. Через некоторое время Пифагор позвал Залмоксиса.

Мальчик вошел в пещеру. Факел осветил земляной пол и неровные стены с потеками.

²⁵ Тирс – жезл, атрибут бога вина Диониса.

²⁶ Бендис – фракийская богиня, которую отождествляли с греческими богинями Артемидой, Гекатой и Персефоной. Видимо, покровительство охоте было одной из ее главных функций.

Отделившись от спутников, Пифагор сделал несколько шагов в сторону и поднес факел к стене.

На гладком участке стены проступили какие-то знаки.

– Так писали лелеги и фригийцы во времена моих предков, – торжественно произнес Пифагор, – Гомер как-то упомянул эти письмена, назвав их роковыми.

Анакреонт подошел поближе и провел пальцем по углублениям, оставленным резцом.

– О чем писали в те дремучие времена? Для меня это лишены смысла палочки, крестики, кружочки.

– Это числа – единицы, десятки. Все нами видимое есть выражение числа, невидимого и вечного. Все сущее – воздух, вода, земля – вторично по отношению к числу. Исследуя числа, мы в состоянии понять не только расстояния, отделяющие нас от видимых и невидимых миров, но уяснить законы их возникновения и гибели. Что касается данного числа, то оно записано Анкеем. Под ним имеется плита – вы можете ее нащупать. На ней стоял ксоан Аполлона, находящийся ныне в Герайоне.

– Но откуда тебе, Пифагор, известно, что это надпись тех времен? – усомнился Анакреонт.

– Из видений, раскрывающих мои прошлые жизни. Иногда я вижу себя Эвфорбом, иногда – делосским рыбаком Пирром.

– Мало ли что может привидеться? – улыбнулся Анакреонт. – И я нередко себя вижу, задремав, в объятиях юной красавицы, покрывающей мою грудь страстными поцелуями.

– И ты, проснувшись, находишь их следы? Ведь нет? А вы видите на стене древние письмена. И вот еще...

Пифагор засунул руку под полу хитона и извлек оттуда небольшой слиток. Поднимая его, он проговорил:

– Этот предмет искатели губок вытащили со дна бухты близ скалы, которую называют Парусом. Вглядитесь. Это кусок меди, напоминающий бычью шкуру. Сравните – на нем те же знаки, что и на стене. Это не что иное, как деньги, какими пользовались во времена Приама и Анкея.

Пифагор торжествуяше взглянул на собеседников.

– А между тем Гомер не знает о том, что в те времена были деньги. Помните, как у него ахейцы покупают вино?

Все остальные ахейцы вино с кораблей получали.
Эти медью платя, другие – блестящим железом,
Шкуры волков приносили, коров на обмен приводили
Или же пленных людей...

Что это, как не клевета на моих, да и на ваших предков? Представьте себе обрисованную Гомером картину – и куда бы продавцы вина могли деть, например, коров? Как бы они их разместили на своих беспалубных суденышках? Нет, не коровами и шкурами быков, не железом, имевшим тогда еще цену золота, а вот такими медными слитками, изображавшими шкуры, расплачивались в старину наши предки. И подобных нелепиц у Гомера хоть отбавляй!

Анакреонт протянул руку и, взвесив слиток на ладони, сказал:

– Увесистое доказательство.

Вращающийся калаф

На Самосе да и повсюду в местах обитания ионийцев, эолийцев, но не дорийцев можно было слышать забавные истории, героями которых выступали софосы (мудрецы). Если море-

ход следил за волнами, чтобы определить направление и силу ветра, то софос, сидя на скале над прибоем, считал набегающие волны и, сбиваясь со счета, рвал на себе космы. Если земледелец обращал взгляд на ночное небо для определения срока посева и сбора урожая, то софос наблюдал звезды целыми ночами, чтобы дать им название. Днем же он находил у себя под ногами нечто такое, на что другой не обращал внимания, и уверял, будто бы на месте луга или пашни некогда простиралось море. Вместо того чтобы скрываться в жаркое время в тени, он измерял тень деревьев и высоких домов, вызывая на себя гнев Гелиоса. Он появлялся в людных местах и, выбрав себе жертву, засыпал ее вопросами и потом сам же на них отвечал.

И конечно же весть, что вместе с невиданным дождем и на Самос, словно с неба, свалился софос, вскоре облетела остров. Многим было известно, что это пропадавший долгие годы Пифагор, сын камнереза Мнесарха. К дому у Кузнечных ворот шли и шли, чтобы взглянуть на чудака. Вопреки представлениям о софосе, рассеянном, нескладном, изрекающем темные поучения, не знающем, что делать с молодой женой в брачную ночь, это был высокий, видный и крепкий муж с загорелым лицом, внимательным взглядом серых глаз, с аккуратно подстриженной бородой. За ним как будто не замечалось никаких странностей, кроме разве той, что он всегда ходил босым и не носил шерстяных одеяний.

Часть любопытствующих побывала в пещере, которую все уже называли пещерой Пифагора, и не было среди них ни одного, кому бы его рассказы показались сложными, ибо для мужа, женщины и подростка, горожанина и пастуха он ухитрялся находить доступные им выражения и образы и порой по дороге в город вступал со слушателями в беседу, добиваясь полного понимания.

Всех постоянных слушателей, которых Пифагор наставлял в мудрости, вскоре стали называть любителями мудрости, и с тех пор в язык ионян, а затем и других родственных им племен вошло слово «философия» – страсть к мудрости. Впрочем, сам Пифагор считал себя не софосом, а только философом, подчеркивая, что он не претендует на то, чтобы войти в число семи, да и восьмым быть не намерен.

И открылось посетителям пещеры странное и удивительное. На одно из собраний Пифагор принес калаф, обвязанный снаружи гипсом и проткнутый стержнем, за который его можно было удерживать как бы в парящем состоянии. Держа ось, он крутил этот сосуд, уверяя, что такое же движение совершает Земля.

– Спорам о форме Земли нет конца, – пояснял он, продолжая вертеть калаф. – Милетские мудрецы мыслят ее в виде атлетического диска с загнутыми краями, удерживающими массу воды. Полагают, что такую же форму имеют Солнце, Луна и другие небесные тела, вращающиеся вокруг Земли. Ближе к истине милетянин Анаксимандр, считавший, что Земля, в отличие от плоских небесных тел, частично прибитых к небесному своду, частично плавающих в пространстве, имеет форму цилиндра. Но ошибается и он.

Пифагор поднял руку с калафом.

– Вот какова наша Земля! Она – шар. Такую же форму имеют Луна, Солнце и другие небесные тела. Они кажутся плоскими из-за дальности расстояния. И не заваливается Солнце за край Земли к ночи, чтобы выйти с другой ее стороны утром, а просто исчезает из виду для тех, кто находится в определенной точке земного шара. Наблюдатель, способный лететь с быстротою Гелиоса, видел бы его незаходящим. Для него не было бы ночи. Длительность дня зависит от того, в какой части Земли находится наблюдатель.

Пифагор накрыл ладонью верхнюю часть калафа.

– Это Арктика, страна гипербореев. Если силой воображения мы бы туда перенеслись, нам бы открылась равнина, освещенная незаходящим светилом. О нет, я не бывал в этой стране гиперборейской белизны. Но разве точный расчет и опыт с помощью этого калафа не заменяют зрение?

Пифагор опустил калаф на землю.

– Я не во всем согласен с милетскими мудрецами, – продолжал он, – но среди ионийцев и других эллинов они были первыми, кто учил мыслить. Ведь многие до сих пор верят рассказам Гомера о реке Океане, о коварных сиренах, заманивающих своим пением мореходов на скалы, и прочих чудесах. Но наша Земля и мироздание полны истинных тайн, осмысление которых должно заменить сказки. В начале своих странствий я побывал в Тире, и мне рассказали о финикийце, служившем в египетском флоте во времена фараона Нехо. Этому финикийцу было лет семьдесят, но он сохранил память и ясный ум. От него я узнал, что фараон поручил мореходам, охранявшим египетские границы в Красном море, обогнуть Ливию и вернуться в Египет через Геракловы столпы (тирянин называл их Мелькартовыми). Но вот что более всего меня поразило: финикийские мореходы, привыкшие находить путь по звездам и обучавшие этому искусству эллинов, миновав Эфиопию... потеряли ориентацию! Исчез Возок, или Арктос, как называем его мы, указывающий путь на север. Да и солнце оказалось с правой стороны, хотя они двигались на запад. Вот тогда я впервые понял, что Земля – шар.

Гиганты

Казалось, что век, озадаченный золотом Креза,
Не сдаст никому монархической власти бразды.
Но в скалах тоннель насквозь продолбило железо,
Топор-триумфатор навел над проливом мосты.
И в новое русло текли рукотворные реки,
И Хаос сдавался под натиском чисел и мер.
И возникали впервые библиотеки,
И сделался свитком беспечно поющий Гомер.

В открытое море уже выходили триеры,
Свои колоннады наращивал храм-исполин,
Вершили судьбу не монархи, а инженеры,
И первым из них мегарец был Эвпалин.

Словно бы по молчаливому уговору, в самосской пещере раздавался лишь голос Пифагора. Его слушали, затаив дыхание, впитывая каждый звук, каждое слово.

– Мой отец, – проговорил Пифагор, – работает с линзой из горного хрусталя, позволяющей наносить на камень тончайшие линии. Но для того, кто смотрит на перстень, важны не эти мельчайшие детали, а то целое, что они создают, – образ. Для математика образом является число. Обращаясь к нему, он устанавливает общие законы, по которым возникают, развиваются и рушатся миры. Ему не нужен увеличительный хрусталь.

Внезапно послышалось:

– Великолепно!

Голос принадлежал незнакомцу плотного телосложения. Если бы не седая прядь, разделявшая его волосы на две половины, этому человеку можно было бы дать лет сорок, не более.

– Как жаль, – продолжил он, – что ты не появился на острове двумя годами ранее, тогда бы тоннель не отнял у меня стольких лет и обошлось бы без ошибки.

– Эвпалин! – воскликнул Пифагор. – Так это ты! Неужели тебе мало того, что ты уже совершил?! И ты еще говоришь об ошибке!

– Она едва не стала роковой, – поспешно возразил Эвпалин. – Тоннель пробивался с обеих сторон горы. Когда было пройдено по два стадия и три оргия, штольни должны были соединиться, но этого не произошло. И меня охватило отчаяние. Ошибка, как потом выясни-

лось, составила целых десять локтей. Теперь тоннель в одном месте стал коленчатым, и только сегодня, слушая тебя, я понял, почему это случилось. Я оперировал мертвыми числами, воспринимая их вне природных сил, которые стремился обуздать. Я видел в них только меру мира, не понимая, что они обладают властью сливать ручьи в могучие потоки, соединять материки, проникать на дно морей, овладевать воздушной стихией. Да мало ли какие нас еще ожидают открытия, если мы оседлаем числа!

Они покинули пещеру.

– Наконец-то я встретился с тем, для кого главное – преодоление препятствий, – произнес Пифагор.

– Что моя работа по сравнению с твоей! – отозвался Эвпалин. – Ты пробиваешь тоннели во мраке нашего невежества, и становится ясно, что мир стоит на пороге величайших открытий. Таково мнение и Поликрата, с восторгом говорящего о тебе.

– Поликрата? – удивился Пифагор. – Но мы ведь незнакомы.

– Содержание твоих бесед ему передает Метеох, и, собственно говоря, у меня поручение: если тебя не затруднит, найди время для встречи с Поликратом. Он отложит все свои дела, чтобы насладиться беседою с тобой. Таковы его подлинные слова.

Они направились к городу, продолжая беседовать. Когда показались башни и стены, Эвпалин предложил свернуть влево, и они оказались у бурлящего Имбраса.

– Вот, – сказал мегарец, показывая на желоб, из которого широким потоком лилась вода. – Это краса Керкетия Левкофея, которую я провел по высохшему руслу какой-то реки, а затем сквозь гору.

– Какой-то?! Так ты не знаешь нашего мифа об Окирое?! – удивился Пифагор.

Эвпалин недоумевающе взглянул на собеседника:

– Первый раз слышу это имя.

– Тогда слушай. У реки Имбрас была красавица дочь. Звали ее Окироя. Увидел ее с небес Аполлон и, спустившись на землю, стал преследовать. В облике Аполлона было нечто волчье, и Окироя изо всех сил помчалась к своему родителю. «Спаси, отец! – взмолилась она. – Меня преследует Аполлон». У Имбраса был друг, мореход Пампил, давно уже добывавшийся руки Окирой. Обратился к нему Имбрас: «Над моей дочерью нависла смертельная опасность. Спасти ее можешь только ты. Снаряди корабль и увези Окирою как можно дальше. Пусть она будет твоей женой».

Поблагодарил Пампил Имбраса, снарядил судно, взял на него Окирою и вышел в открытое море. Разгневанный Аполлон превратил корабль в камень. Ты можешь его наблюдать в бухте в виде скалы, напоминающей парус. Пампила сделал рыбой, а Окирою увез на мыс Микале, где она и поныне втекает в Меандр. И стал Имбрас сохнуть от горя по дочери. И совсем бы высох, если бы не мегарец Эвпалин, чудом своего искусства вернувший Имбрасу полноводие, соединив с другой его дочерью, отделенной от него Аполлоном.

– Вот оно что! – воскликнул Эвпалин. – Я и не догадывался, что Имбрас был царем, а океанида Окироя – нимфой, возбудившей, подобно красавице Дафне, страсть неистового Аполлона. Как бы и мне не вызвать его недовольства!

– Недовольства? – отозвался Пифагор. – Ты же не посягнул на его Окирою, ты заменил ее Левкофеей.

– Я имею в виду новое поручение Поликрата, – проговорил Эвпалин. – Мне приказано разрушить островок, который и впрямь имеет вид корабля или паруса, в зависимости от места наблюдения.

– Неужели такое возможно?!

– Да. С помощью смеси, которая в состоянии превратить в пыль целую гору.

– И ты ее использовал при прорытии тоннеля?

– О нет, я ее открыл во время работ и хочу впервые проверить на деле.

Астипалея

Через глубокий, пахнувший гнилой водой ров был переброшен мостик. Посередине него стоял стражник с обнаженным акинаком. На голубом гиматии поблескивали ряды золоченых, а может быть, и золотых блях. Пифагор уловил беглый взгляд, брошенный им на его ноги. «Видимо, никто на его памяти не входил сюда босым», – подумал он.

Дворец Поликрата был невысок, но выходящими почти к самым воротам крыльями охватывал весь акрополь, повторяя конфигурацию городской стены и превращая все остальное пространство во внутренний двор-сад. Дорожка проходила между рядами бронзовых фигур, поставленных перед деревьями. Пифагор сразу узнал в них статуи, некогда украшавшие Герайон. Его взгляд задержался на трех коленопреклоненных куросах, поддерживающих головами огромную серебряную вазу.

Оглядевшись, Пифагор увидел в тени колонны приветливо улыбающегося человека в пестром одеянии. Конечно, это Поликрат, вовсе не похожий на страшилище морей, – муж, склонный к полноте, но не полный, с небольшими прищуренными глазами. Значительность лицу придавал лишь нос, почти отвесно спускавшийся к буйно растущей бороде. Сделав навстречу Пифагору несколько шагов, тиран обнял гостя.

– Уже много дней, Пифагор, имя твое не покидает моих покоев. Лучше всего сказал о тебе Метеох: «Когда он говорит, теряешь дар речи, ибо боишься, что прервется поток, созданный силой ума и воображения, и вещи воссоздаются такими, какими ты их никогда не видел, такими, какими они должны быть». И конечно же, наслышанный о тебе, я мысленно потянулся в пещеру Пифагора. Не возражай! Кто огньне станет называть ее пещерой Анкея?! Ведь не называют же «Илиадой» сочинения Лина и других древних аэдов после того, как Гомер населил стены воспетой им Трои своими героями.

Они вошли в зал, залитый желтым светом от отверстия в потолке, закрытого пластинками янтаря. Ступни Пифагора погрузились в мягкость ковра.

– Ты находишься в той части дома, которую мои гости называют залом Колея. Ведь это он проложил дорогу в Тартесс, город на берегу океана. Здесь я и приму тебя, нового Колея.

– Да. Я много путешествовал, – проговорил Пифагор, усаживаясь на сиденье против Поликрата. – Но ветер судьбы погнал меня на восток, а не на запад. Колей работал для агоры, я – для знания. Он вернулся на корабле, набитом доверху серебром и янтарем, с серебряными якорями на бортах, а я – вот в этом гиматии и босиком.

– Чуждачество великого мужа, – отозвался Поликрат.

– Скорее жизненная линия, Поликрат, – отозвался Пифагор. – После долгих странствий на чужбине у меня возникли иные пристрастия и привычки: например, я не приношу кровавых жертв богам, не ем мяса животных, не ношу шерстяной одежды – ведь и она добыта насилием над живыми существами.

– Все это так необычно, – задумчиво произнес Поликрат. – Я думаю, всем интересно будет прочитать о твоих странствиях и о том, как ты пришел к своему выбору. Как ты назовешь свою книгу?

– Ее не будет, – отозвался Пифагор, – ибо писание отвлекает от мыслей и служит пищей сомнению, создавая иллюзию собственной значимости. К тому же мы, ионийцы, с тех пор как три века назад заговорил Гомер, болтаем без умолку. Пора и остановиться.

– Но тишина – это ведь смерть! – заметил Поликрат.

– Если она вечная, – возразил Пифагор. – Надо замолкнуть на время, хотя бы для того, чтобы собраться с мыслями. К тому же молчание – это не тишина. Неведомый во времена Гомера авлос, закрывающий рот, служит молчанию. Дыхание, даруемое нам космосом, возвращается в его гармонию.

– Возможно, ты прав, – произнес Поликрат. – Но тот, кто не пишет, беззащитен перед молвой. Он может утратить родину и родителей.

– Перед молвой беззащитен любой из творцов, – отозвался Пифагор. – Солон, в отличие от Гомера, не преминул рассказать о себе и своих родителях. И что же? Разве не говорят, будто он был гостем и советчиком Креза, хотя умер за двадцать лет до его воцарения? И я почти уверен, что мне дадут в учителя египетских жрецов.

– У кого же ты тогда учился, если не у них? – спросил Поликрат.

– Моим первым учителем был Ферекид, сын Бабия.

– Поразительный человек! – воскликнул Поликрат. – Он побывал у нас и, напившись воды из колодца Геры, сказал, что на третий день произойдет землетрясение. Его высмеяли. А землетрясение произошло, к счастью, не катастрофическое. Пострадал лишь один храм Аполлона в горах.

– Нет эллина, лучше истолковавшего природу, чем Ферекид, – подхватил Пифагор. – Землетрясения возникают от давления наполняющего поры земли газа. По насыщенности воды газом Ферекид и смог предсказать бедствие: Ферекид поделился со мной и многими другими открытиями, но сам он более всего ценил учение финикийцев и поэтому направил меня на мою родину в Сидон.

– Твою родину? – удивился Поликрат.

– Да, я родился в городе великих мастеров Сидоне. Когда мои родители прибыли в Дельфы, мать была уже тяжела мною, и пифия посоветовала ей родить в Сидоне.

А на Самос они вернулись уже после моего рождения. В Сидоне, куда я попал вторично двадцати лет от роду, я встретил последователей Мох. Мох, живший за шесть веков до Фалеса, достиг в понимании космоса неизмеримо больше, чем милетяне. Он установил, что все сущее состоит из мельчайших, невидимых глазу частиц, а не из воды, как полагает Фалес.

– Откуда же он мог это знать, если частицы, о которых ты говоришь, невидимы?

– Мох был математиком, а в математике необязательно видеть все, что вычислено.

– И долго ты пробыл среди последователей Мох?

– Три года. Затем дорога ввела меня в крепость знаний Вавилон, где мне были открыты тайны звездного неба. Из Вавилона я отправился еще дальше на восток, в страну, где верят, что бессмертна любая душа и что нет страшнее преступления, чем насилие над живым существом.

– Ты имеешь в виду страну, куда проложил путь Дионис?

– Да, Индию, в которой никто из эллинов до меня не побывал.

– Зато мы слышаны о ней, а иногда нам достаются ее дары. Вот взгляни на этот индийский камень. Он мне дороже всех моих богатств.

Поликрат снял с пальца перстень и протянул его Пифагору.

Разглядывая лежащий на ладони Поликрата смарагд, он одновременно изучал руку собеседника, пытаясь понять характер этого человека, мысли которого ему не удавалось прочесть. Цельная линия резко обрывалась. Пересечение ее с другой предвещало смертельную угрозу.

– Это дар моего друга Амасиса, – проговорил Поликрат, надевая перстень. – По его совету я расширил гавань и создал флот.

Они вышли на галерею, возвышавшуюся над колоннами таким образом, что ее центр приходился на среднюю из них. Это было то крыло здания, которое Пифагор с моря принял за восьмиколонный храм.

– Какой прекрасный обзор! – вырвалось у Пифагора. – Видна вся бухта вплоть до Герайона.

– А также и полуостров Микале по ту сторону пролива, – добавил Поликрат. – О, если бы Самос оторвался от своих корней и его можно было бы оттащить поближе к Европе! Страшно подумать, что этот клочок суши, единственный свидетель младенческого крика Геры, ее девичьих забав на лугах у Имбраса, может достаться персам.

– В день моего возвращения на Самос спускали корабль с египетской надписью на носу, – заметил Пифагор.

– Так я отблагодарил Амасиса, отпустившего ту, что сделала нас друзьями.

– Ты имеешь в виду Родопею?

– Да, ее, новую Елену Прекрасную. Ведь она родилась на Самосе и была в девичестве рабыней Иадмона.

– Господина Эзопа?! – удивился Пифагор.

– Да, его. Иадмон отправил Родопею в Навкратис на обучение к местным гетерам. Амасис же взял ее во дворец, сделал своей наложницей и, будучи уверен, что она, им осчастливленная, пожелает кончить дни в Египте, соорудил для нее небольшую пирамиду. Но Родопею потянуло на Самос. Хочешь с ней познакомиться?

– Есть ли человек, который от этого откажется?

– Тогда посети нас завтра после полудня.

Недовольство

Пифагор петлял по темным улицам, стараясь подавить гложущее чувство неудовлетворенности. Все, что он говорил о себе Поликрату, было ложью или, точнее, попыткой скрыть правду. В страхе перед нею он покинул родительский дом и отправился на чужбину, чтобы стать там человеком без рода и без имени. Открывшиеся ему уже в юности видения подчас мешали понять, кто он на самом деле – Эвфорб, Пирр или даже сын Гермеса Эталид. О первой своей жизни он даже в находивших на него припадках откровенности долгое время не мог рассказать никому, ибо что бы могли подумать, узнав, что к нему, Пифагору, среди бела дня явился Гермес и предложил на выбор любой дар, кроме бессмертия. Не мог он никому поведать о своем странном страхе перед буквами. Когда он пытался занести их на папирус, они двоились, поворачивались друг к другу так, что их можно было читать и справа налево, и слева направо, как делают финикийцы и иудеи. И странным образом из этого бреда выросла уверенность в парности как всеобщем законе бытия. Бред стал источником его знаний о космосе. Конечно, Пифагор понимал, что Эвфорб – это тоже бред, но и он натолкнул его на здравую мысль, что все сказанное Гомером о Троянской войне – злокозненная ложь, и он мог бы это доказать с помощью неопровержимых доводов.

Из-за Гомера произошла давняя ссора с отцом. Когда он, еще будучи мальчиком, поведал ему о своем открытии, отец возмутился:

– Ты еще молод, чтобы судить того, о месте рождения которого спорят семь городов.

– Это ни о чем не говорит, – возразил тогда он, – это спор из-за тени осла. В ней пытаются скрыться от слепящего света истины. О месте моего рождения спорить не будут.

– Вот в этом ты прав, – усмехнулся отец. – Ты не можешь закончить работу даже над одним-единственным перстнем. О тебе просто не вспомнят.

Именно тогда он, разобиженный, отправился на Сирос к Ферекиду.

«Конечно же Гомер выдумал свою Троянскую войну и все эти корабли, на которых ахейцы приплыли в Троаду. Но сколь великолепна эта выдумка и кому она принесла вред? А я в спорах с нею погубил мать, я-то ведь знаю, что она ушла в Аид с горя. Глупое упрямство!»

Раздражение собой вскоре перенеслось на недавнего собеседника. «Отец прав. Есть в этом человеке что-то отталкивающее. И откуда эта непроницаемая броня, которой он себя окружил? Зачем он меня пригласил? Кто я для него? Одна из диковин, которой он хочет украсить свой дворец? И почему я принял его приглашение встретиться с Родопеей? А о Ферекиде я ему хорошо сказал. Надо обязательно навестить старика. Интересно, что он думает о Поликрате? А ведь Ферекида не раздражали мои нападки на Гомера. Он, кажется, понимал, что в споре с тенью я обогащаюсь. Да и впрямь спор с Гомером, никогда не покидавшим Ионии,

позволил мне открыть для себя Финикию, Вавилон, Индию и понять, насколько превратно судят о мире те, кого считают семью мудрецами. Кто они, эти великие мужи, принесшие свою жизнь на алтарь ясности и изрекающие темные истины наподобие пифии? Не пытаются ли они, подобно персидским магам, заговорить самих себя от пугающей сумятицы мира?»

В триклинии

Вовсе не то вы мыслите Эросом —
Эрос ваш мучает, жжет и томит.
Мой же – нас всех возвышает над серостью,
Право дает называться людьми.

Низкий прямоугольный стол, застеленный белой материей, блистал золотой и чеканной серебряной посудой, украшениями из гиперборейского янтаря. На ложах возлежали трое. Поликрат опаздывал. Но вот пахнуло восточными благовониями. В зал во всем блеске красоты вступила Родопея. Совершенные формы просвечивали сквозь полупрозрачный пеплос, заколотый на плече пряжкой из Электра. На груди поблескивало золотое украшение. Поликрат шел сзади с кифарой в руках.

– Друзья мои, – начал Поликрат, – в такие вечера, когда самая жизнерадостная из муз Талия призывает к дружескому застолью, мы обыкновенно выбираем симпозиарха²⁷. Сегодня же я привел к вам царицу пира и его награду. Готовы ли вы подчиниться воле моей гостьи?

– Готовы! Готовы! – послышались голоса.

Поликрат и Родопея заняли свои места. Тиран протянул ей кифару.

Родопея положила инструмент на обнаженные колени и, тронув струны, запела грудным голосом:

Я объявляю агон и буду сладкой наградой
Всю эту ночь до появления Эос.
Я для того, кто суть обозначить сумеет
Бога, к которому тянется каждый живущий,
Как к магнетийскому камню железо,
Бога, который безумную жажду сближения
В наших телах и радость в душах рождает,
Ту, пред которой иные желанья ничтожны.

– Итак, задание получено, – произнес Поликрат, обводя взглядом присутствующих. – Давайте начнем агон. Из него я исключаю себя, чтобы взять роль судьи. О могуществе Эроса много сказано. Но речь идет о природе Эроса, о предмете, насколько я понимаю, почти неисследованном.

– Это верно, – согласился Эвпалин, – в рассуждениях поэтов о строении мира нет ясности. Согласно Гесиоду, сначала родилась широкогрудая Гея, а за ней появился Эрос, потом Уран и Тартар. Если это так, надо думать, что Эрос – это сила, соединившая Гею с Ураном. Здесь я должен вспомнить, что сказано о Гее в священных книгах иудеев: «Гея была безвидна и пуста». Итак, потянувшись к Урану, Гея преобразилась. На ее могучем теле появились два ровных, как бы прочерченных циркулем круга. В этих местах тело Геи вздыбилось, образовав два купола. Несколько ниже возникло глубокое ущелье. Гея стала напоминать женщину,

²⁷ Симпозиарх – руководитель застолья, избираемый пирующими.

и Уран, с яростью обрушившись на нее, ее оплодотворил, став родителем титанов, киклопов и сторуких великанов.

– Превосходное дополнение Гесиода, – сказал Поликрат, пододвигая к себе чашу. – У Гесиода Эрос наряду с Хаосом, Геей и Тартаром – одно из четырех лишенных родителей первоначал. Но место и роль Эроса у него неясны. Он только называет его «сладкоистомным» и «приводящим в безумие». Ты же, Эвпалин, соединив два мифа, объяснил, что без Эроса Гея, будучи бесформенной, как Хаос, из которого она вышла, не могла бы привлечь к себе Урана, и ты исключил из мироздания Тартар. Так ли я тебя понял?

– Так, – ответил Эвпалин. – Тартар, как его понимают поэты, – бессмыслица.

– Превосходно! – воскликнула Родопея. – Но все же какова природа самого Эроса, этой могучей силы соединения мужского и женского начал?

– Это вечно пылающий и творящий огонь, инстинкт созидания, – ответил Эвпалин, – и в то же время основа всякой деятельности. Недаром ведь Афродита была супругой Гефеста.

– Кажется, теперь мой черед, – начал Анакреонт. – Я ничего не знаю о первоначальном Эросе, и мне нет до него дела. Меня мучает Эрос, сын Афродиты. Он, единый по своей сути, постоянно меняет облики, представляя то прекрасной девой, то обольстительным юношей. Я тянусь к нему, а он то подает мне надежду, то отворачивается. Счастливцев Гомер обращался к музе в начале великой поэмы, а я не устаю взывать к нему, шалуну и мучителю, в каждом, даже самом маленьком стихотворении. Вот последнее из них:

Бросил шар свой пурпурный
Златовласый Эрос в меня
И зовет позабавиться
С девой пестрообутою,
Но смеется презрительно
Лесбиянка прекрасная,
На другого любитесь.

Взгляд Поликрата обратился к Метеоху.

– Теперь ты.

– Что я могу сказать после таких стихов? Да и опыта у меня нет.

Юноша растерянно развел руками. Звякнула чаша. Взоры пирующих обратились к пятну, расплывавшемуся на скатерти. Поликрат дал знак слуге, стоявшему у стены.

– Не надо, – проговорила Родопея, – вавилонские маги гадают по очертаниям таких пятен.

Пятно стало похожим на несущегося во весь опор коня. Родопея закрыла лицо ладонями.

– Успокойся, царица, – обратился к ней Пифагор, – стоит ли верить магам? Я согласен с Эвпалином. Эрос – это вечный огонь, вокруг которого вращаются Земля и другие космические тела. Но прав и Анакреонт. В твоих великолепных строках, Анакреонт, Эрос – златоволосый и златокрылый лучник. Ведь стрела – это солнечный луч. Не так ли? Индийский Эрос Кама – тоже лучник, но лук у него не из кизила, не из орешника, а из медового тростника, стрелы – из сцепившихся пчел. У тебя Эрос принял форму мяча цвета заката, в который ты вступил. И уже с первой строки становится ясно, чем закончится великая песня.

Прекрасно вечернее солнце, но юные жаждут не старческой бессильной красоты.

– Боги мои! – перебил Анакреонт. – Как ты истолковал мои стихи! Я ни о чем подобном и не думал. Ко мне строки явились сами, и я старался их не спугнуть.

– Вот-вот! – подхватил Пифагор. – За тебя думал Эрос. Он творец любого творчества и основа могущества. О последнем хорошо сказано в индийском мифе. Послушайте. Как-то два старых бога Вишну и Брахма встретились с юным Шивой и стали перед ним хвалиться своей

мощью. Шива выслушал их и сказал: «К чему много слов? Сейчас я приму свой истинный облик, и тот из вас, кто найдет его пределы, будет самым могущественным». В один миг Шива превратился в огромную колонну с округлой капителью. Она стала расти, уходя в небо. И тогда Брахма, превратившись в лебедя, воспарил, чтобы достигнуть ее края, Вишну же стал кротом, чтобы дорыться до ее корня. Прошло много тысяч лет, и старые боги вернулись к Шиве, признав свое поражение, ибо сила Эроса беспредельна.

Родопея сняла с головы венок и протянула его Пифагору.

– Мне нравится твоё толкование, Пифагор, ты показал, что эрос – основа не только жизни, но и поэзии. Ты дал зримый образ тому, чему я посвятила жизнь. Пусть же этот венок увенчает твою голову в знак того, что я готова идти за тобой. Ты будешь первым...

– Первым?! – рассмеялся Поликрат.

– Первым, – повторила Родопея, – ибо я впервые не потребую за любовь вознаграждения. Я его уже получила.

Пифагор поднялся.

– Я счастлив, царица, что своим рассказом возбудил в тебе силу эроса. Сам я не ищу сближения ни с женщинами, ни с мальчиками. Мой эрос так же беспределен, как тот, перед которым склонились Брахма и Вишну, но он бестелесен и открывается лишь в сочетании чисел и звучании небесных сфер. Но если ты сочла меня победителем, я не отвергну награды.

Мнения

Почти сразу за победителем и царицей пира, сославшись на неотложные дела, зал покинул Поликрат. Анакреонт, Метеох и Эвпалин остались за столом, и конечно же речь зашла о Пифагоре.

– Удивительный человек, – проговорил Анакреонт, наклоняясь над чашей. – Вот уже две декады, как я с ним знаком, и до сих пор он остается для меня загадкой.

Сделав глоток, Анакреонт продолжил:

– Меня удивляет его неприятие Гомера. Пифагора возмущает то, как Гомер описывает старину. Гомер для него – не авторитет в героическом прошлом, а чужестранец, едва ли не невежда. Пифагор смотрит на Гомера глазами Ахилла, Приама, Гектора – одним словом, их современника. Но ведь не бывает, чтобы человек жил в нескольких поколениях сразу.

– Не знаю, Анакреонт, не знаю, – сказал Эвпалин, приподнявшись на ложе. – Мне он кажется сосудом, в котором спрессовано нечто такое, что, если ему дано будет развернуться, оно перевернет весь мир. Его вымысел столь неудержим и дерзок, что не может быть оспорен по законам реальности, и тем самым он становится явлением, совершенным числом, о котором он нам рассказывает и в которое веришь, как в божество. Он становится для нас линзой, расширяющей границы наших чувств и наших возможностей. Ты помнишь изречение, выбитое у входа в храм Аполлона в Дельфах: «Познай самого себя»? Запись, достойная славы Дельфийского оракула, обратившегося к глубинам человеческого сознания. Но, восприняв этот совет или призыв, Пифагор поставил вопросы, какие не приходили в голову ни одному из тысяч эллинов или варваров, переступавших порог храма, – какова природа слуха и зрения, соответствует ли видимый и ощущаемый мир существующему? Давая на эти и иные вопросы ответы, он, право, превзошел всех мудрецов и открыл для понимания законов бытия и жизни неизведанные, новые пути. Не знаю, жил ли Пифагор во времена Приама, но я уверен в том, что его жизнь не определена сроком, данным смертным, и ему суждено жить и через сотни, и через тысячи лет.

Анакреонт отодвинул чашу.

– Пожалуй, ты прав. Такие люди, как Пифагор, подобны богам. Поначалу, не зная его, я с ним спорил, а теперь только слушаю. Глядя на него, легко поверить, что он пил воду из

Инда и побывал в тех местах, где восходит Гелиос и рождаются звезды. Однако его величие не подавляет. Он может отыскать ключ к каждому сердцу и найти общий язык не только с молчаливыми рыбаками – я сам был свидетелем его беседы с рыбаком на агоре, – но и с морскими разбойниками.

– Да-да! – подхватил Метеох. – Увидев детей, бросивших камни в бродячую собаку, он заговорил с ними на равных, и дети к нему потянулись. Я уверен, что они больше никогда не обидят беззащитное животное.

– Но самое удивительное, – перебил Анакреонт, – что ни разу в разговорах Пифагор не назвал имени Орфея. А ведь учение о метемпсихозе²⁸ принадлежит именно ему. И я никогда не слышал от Пифагора об Аиде и о наказании там душ. Не кажется ли вам это странным?

– Я тоже это заметил, но странным мне это не показалось, – проговорил Эвпалин. – Орфей старался вырваться из круга, назначенного смертным судьбой, считая его мучительным. Пифагор, напротив, стремится войти в этот круг и пережить заново если не все свои прошлые жизни, то главные из них. И именно это дает ему возможность прозревать будущее. Орфей стремился принести утешение смертным, Пифагор нам ничего не обещает, а обращает наши глаза и уши к невидимому и неслышимому.

Золотой амулет

Пифагор осторожно отодвинул лежащую между ним и Родопеей кифару. Рука потянулась к золотому амулету, блестевшему в лощине между двумя розовыми округлостями, и на миг застыла.

– Нет! – тихо проговорил он. – Только не это!

– Понимаю, – вкрадчиво произнесла гетера, – неприятно видеть на мне дар другого. Но эту вещь я получила еще девушкой от грабителя гробниц... Есть в тени пирамид и такая профессия. Жрец Амона, которому я показала эту вещь, повел меня в храм. Там на стенах была изображена схватка со вторгшимися в Египет чужеземцами. Жрец называл их народами моря. У них были точно такие предметы.

...Губы Пифагора зашевелились. Он был не с нею. Говорил с кем-то другим. Родопея прислушалась.

– Нет, Приам, меня привлекает форма. Это небесный знак – две переходящие друг в друга окружности. Это два солнца. Они ослепят Менелая.

Глаза Пифагора ожили. Он положил руку ей на грудь и улыбнулся одними губами.

– Что с тобой? – спросила Родопея. – Ты словно заснул и меня не слышал.

– Нет, слышал. Это было видение из другой моей жизни. Я беседовал с Приамом, перед тем как принять решение о схватке с Менелаем.

Глаза Родопеи расширились.

– Ты сражался под Троей?

– Под Микенами. Сражался и погиб. Потом моя душа переселилась в делосского рыбака Пирра. Тогда у меня была дочь Мия, такая же красавица, как ты.

– Ты хочешь сказать, что знал Елену Прекрасную? – усмехнулась Родопея.

– О какой Елене ты говоришь? Не о Елене ли, богине спартанцев?

– Но ведь Гомер...

– Откуда бы ему знать о Елене, если он жил через три века после Приама?! Я не обманываю. А вот ты... Ты отдалась грабителю пирамид, и он расплатился с тобой золотой безделушкой. Мало того, он обещал сделать тебя царицей. Твои подруги, узнав об этом, потешались. Несмотря на насмешки, ты всегда носила эту вещичку как амулет и помнила о том, кто сделал

²⁸ Метемпсихоз – учение о переселении душ.

тебя женщиной. Эрос тебя не обманул. Грабитель пирамид Амасис стал воином, потом военачальником и, возглавив восстание египетской черни, – фараоном. Он выполнил свое обещание и взял тебя во дворец. Не без твоего влияния он стал верным другом Поликрата, а ты – залогом их дружбы. Потом что-то произошло, и он повелел отвезти свою статую Гере как прощальный дар. Но ведь кроме статуи было послание. Можешь не говорить какое. Но ведь было.

Родопея сорвала с себя амулет.

– Да, было. Все было. Было и сновидение, и истолкование его жрецом. И насмешки подруг. И прощание. И клятва никогда не снимать амулет. Было и послание Амасиса. Война с Персией неизбежна. Поэтому я покинула Египет. Вскоре бедствие обрушится и на Самос. Впрочем, зачем я тебе все это говорю? Ведь ты маг, величайший из магов. Для тебя нет тайн. Ты снял с меня заклятье. И я хочу быть с тобою в трех лицах, трижды прекрасный.

Пифагор поднял голову, и вдруг перед его глазами возникла гордая, золотистая и сияющая голова, лебединая шея. Это была Парфенопа, встречи с которой он ждал столько лет, время от времени пытаясь сложить ее облик из черт женщин, так же, как Родопея, предлагавших себя. Теперь все это позади. Она явилась к нему такой, какой он ее потерял, и в движении ее губ можно было прочитать имя – Эвфорб. И она поет. «О, боги мои! Это же песня Орфея!»

Парфенопа плавно двигалась навстречу ему, пока, приблизившись, не слилась с женщиной, раскинувшейся рядом, и Пифагор рванулся к ней.

ОПЛЫВ

Стремительно взлетали вверх и опускались, взметая жемчуг брызг, весла. О скорости можно было судить лишь по дрожанию корпуса, силе бьющего в лицо ветра и изменениям панорамы. Пролив, отделяющий остров от материка, понемногу сужался. Самос разворачивался освещенной солнцем зубчатой стеной кипарисов, и, наверное, древнее название острову – Кипарисия – могли дать лишь те, кто обитал на Микале.

Поликрат и неожиданно вызванный им Пифагор стояли рядом на носу пентеконтеры. Лицо тирана не выражало никаких чувств. После того как они обменялись краткими приветствиями, Поликрата не проронил ни слова, и Пифагор терялся в догадках: «Почему он предпочел иметь спутником меня, с которым едва знаком, а не тех, кого знает много лет? И куда мы плывем? Если на подвластные Поликрату острова, незачем входить в пролив. Или, может быть, в проливе судно движется быстрее и Поликрату хочется похвастаться быстротой хода? Вот и мыс Трогилий. Сколько раз эфебом, глядя на него, я встречал поднимающееся из-за Микале солнце, пока оно не позвало меня в путь и я не двинулся ему навстречу».

Пролив расширился. Судя по развороту, Поликрата намерен посетить берег, открытый Борею. Пифагор мгновенно оживил в памяти очертания Самоса на медной доске Анаксимандра. «Барашек», обращенный головою к Азии. Очертания острова совпадали с направлением движения ионийцев, бежавших на другой материк от бедствий, которые постигли материковую Элладу после погубившего Трой землетрясения. Так на азиатском побережье появились ионийские города, от которых Самос отделен проливом.

Обойдя баранью головку мыса Посейдона, судно спускалось по выгибу шейки в бухту.

«Сюда переведены рыбаки, – думал Пифагор. – Если бы Поликрата намеревался здесь высадиться, судно должно было переменить направление. Но оно шло прежним ходом. Видимо, Поликрата решил обогнуть акрополь своей морской державы. Так же в дни празд-

ника обходят теменос²⁹ храма Мелькарта в Тире, так же и персидские маги делают круги во время жертвоприношения огню. Это магический круг, отделяющий священную территорию от неосвященного мира и закрепляющий над нею власть высших сил. Поэтому так серьезен и значителен Поликрат».

Судно совершило еще один разворот. Побережье по обе стороны мыса Дрепан было равнинным и, кажется, шевелилось от курчавой волны пасшихся овец. Справа по борту в тумане выступила едва различимая Икария.

– Несколько дней назад мною получено послание от Амасиса, – внезапно проговорил Поликрат. – Поблагодарив за самояну, фараон напомнил мне, что счастье недолговечно и что ни один из известных ему счастливых не кончил хорошо. Поэтому – таковы его подлинные слова – «тебе, мой друг, надо шагнуть самому навстречу несчастью». Как ты думаешь, что он имел в виду?

– Видишь ли, – начал Пифагор после недолгого раздумья, – вавилонские, а также индийские мудрецы полагают, что счастье и несчастье – это две гири, колеблющиеся на чаше весов. Судьба смертного также колеблется на этих гирях, и если счастье сильно перевешивает, то это может привести к такому резкому повороту, что человек летит в пропасть и ничто его не в силах удержать. Поэтому ни в коем случае нельзя допускать чрезмерного счастья и надо самому поддерживать равновесие.

– Как же мне поступить?

– Изменить свою жизнь. Помнится, в таком случае один индийский царь покинул дворец, став отшельником. Может быть, отказаться от самого тебе дорогого.

– Здесь не Индия, – отозвался Поликрат. – А насчет дорогого? Вот что. Я откажусь от перстня. У меня нет вещи дороже его. И ты будешь свидетелем того, как он исчезнет в пучине. Вот здесь, перед мысом Канфарион, самое глубокое место.

Поликрат снял с пальца перстень и, закрыв глаза, бросил его за борт. Проследив за описанной дугой, Пифагор перевел взгляд на тирана. И сразу же его оглушил поток мыслей, считаваемых с губ Поликрата. «Вот и нет перстня, как нет и дружбы. Амасис беспокоится обо мне, а Силосонта не только не задержал, а отправил на своем корабле в Навплию. Пора действовать. Выделю Меандрию пять кораблей. Этого хватит, чтобы покончить с осиным гнездом».

Поликрат повернул голову.

– Вот я без перстня, – проговорил он. – Ощущается непривычная легкость. Надо будет заказать другой.

«Такого, как тот, ты не найдешь! – подумал Пифагор. – Он был броней, мешавшей мне узнать о твоих намерениях».

– Да, к вещам привыкаешь, как к чему-то живому. Но ты не огорчайся. Главное, что внял совету друга, – проговорил он.

Достигнув западной оконечности острова, судно свернуло в открытое море. Слева по борту возникали и рушились пенные гребни. Это скопище острых скал и подводных камней мореходы называли некрополем кораблей и старались к нему не приближаться. Впереди островок Рипара, обиталище чаек. Зобастые и тяжеловесные, поднявшись в воздух, они становились похожими на гаммы³⁰. И Пифагор начал их машинально складывать. Получилось тридцать шесть.

Судно развернулось еще раз и двинулось вдоль южного берега, блестящего песчаной полосой пляжа. В глубине показались гора Хесион и у ее подножия – освещенный закатом храм Артемиды. Здесь был исток Имбраса, считавшегося супругом Хесион и отцом Окирои. Отсюда недалеко до Герайона, а там уже гибельный Парус и гавань.

²⁹ Теменос – священный участок.

³⁰ Гамма – третья буква греческого алфавита, обозначала не только звук «г», но и число «три».

Какое-то смутное воспоминание шевельнулось в душе Пифагора, но тотчас же ускользнуло.

– Эвпалйн обещает уничтожить это бельмо на глазу Самоса, – услышал он голос Поликрата. – Но не знаю, успеет ли.

Улов

Город еще спал. Молчали на насестах петухи. До слуха Пифагора доносилось лишь уха-нье ночной стражи стен – сов – и еще какой-то посторонний шум. Пифагор поспешил на него и нагнал телегу с мусором. Присоединившись к ней, он покинул город незамеченным.

Рядом со свалкой проходила дорога, пересекающая город с юга на север в самом узком месте. Пифагор шагал, насвистывая любимую мелодию, которую еще в детстве напевала ему мать. Проснувшиеся дневные птицы подхватили ее, дополнив своим щебетом и хлопаньем крыльев.

Небо быстро светлело. За перевалом дохнуло Бореем. Поправив растрепавшиеся волосы, Пифагор прибавил шаг и вышел на берег. Вот и бухта, куда переправлены рыбаки. По колено в воде четверо тащили сеть, кажется, не подозревая, что кто-то за ними наблюдает.

И словно туман застлал глаза Пифагору. Когда же он рассеялся, изменилась панорама. Вместо узкой бухты взору открылся плоский песчаный берег и плывущий к нему керкур, а на нем человек, в котором он узнал самого себя. Рыбаки с берега махали ему руками, среди них девушка, ее лицо показалось Пифагору давным-давно знакомым, но он никак не мог вспомнить, кто она.

Видение исчезло так же внезапно, как и появилось. Пифагор не имел власти над своей памятью. Скорее она обладала властью над ним, неожиданно раскрывая эпизоды прошлой жизни. Но ему не удавалось соединить обрывки видений в нечто целое. Об Эвфорбе и его схватке с Менелаем писал Гомер, но Гомеру не было известно об ученых занятиях Эвфорба. Что касается последней жизни, проходившей на прилегавшей к Делосу Рении, то не было никакой надежды узнать что-либо от постороннего лица.

Взглянув на берег, Пифагор увидел рыбаков с обильным уловом. Он сбежал по склону. Рыбаки, услышав шум шагов, обернулись. У одного из них, сгорбленного старца, глазницы были пусты, однако черты лица показались Пифагору знакомыми. Старец подошел к Пифагору, и тот ощутил лбом и щеками прикосновение бегающих холодных пальцев. Неожиданно старик вздрогнул и испустил вопль.

– Пирр! Друг мой! Ведь мы с Мией тебя похоронили на Рении! Поставили тебе кенотаф³¹. Где же ты был все эти годы? Почему не давал о себе вестей? А впрочем, что я? Ты ведь не знал, что Писистрат превратил нашу Рению в некрополь, перенес туда могилы с Делоса, а Поликрат приковал ее цепью к Делосу и посвятил Аполлону.

– Отец, – обратился к старцу молодой рыбак, – это не твой земляк, а софос Пифагор. Его знают все на Самосе.

– Нет, нет! Это Пирр! Мне ли не узнать моего друга!

– Не сердись, господин, – обратился юноша к Пифагору. – В таком возрасте что не привидится. Отец тебя с кем-то спутал.

– Нет, не спутал, – настаивал старик, – это мой друг, попавший в бурю за год до очищения Делоса Писистратом, друг, которого я долгие годы считал покойным.

³¹ Кенотаф – ложная могила. В древности было принято сооружать кенотафы людям, чье тело не найдено.

– Извини, господин, – повторил юноша. – У моего отца все смешалось в голове после того, как Поликрат приковал его островок цепью к Делосу. Ты, наверное, пришел за рыбой, но сначала нам надо разделить улов.

– Тогда можете взять каждый по пять крупных и по тринадцать мелких рыб, и останется еще одна, самая большая.

Рыбаки переглянулись.

– Как ты можешь знать, сколько рыб мы поймали? – спросил один из них.

– Я посчитал. И вы можете мне поверить. Если я ошибся, оплачу весь улов, если нет – вы возвратите Посейдону тех рыб, какие еще будут дышать.

– Идет! – обрадовались рыбаки и бросились разбирать рыб.

Прошло немного времени, и от кучки осталась лишь одна большая рыбина. Пифагор подошел к ней, и рука его, коснувшись чешуи, ощутила легкое жжение, как тогда, в Астипалее, когда он коснулся перстня Поликрата.

– А что это за рыба? – обратился он к стоявшему рядом рыбаку.

– Мы называем ее пампиллом. Забирай ее себе.

– Да нет! Такая большая рыба должна принадлежать самому большому человеку Самоса.

– Ты прав! Я сам отнесу ее во дворец, – проговорил один из рыбаков.

Протягивая драхму, Пифагор сказал:

– А оставшихся в живых, как договорились, верните Посейдону.

Простившись с рыбаками, Пифагор отправился к проливу, отделявшему остров от мыса Микале, и долго смотрел на противоположный берег. В памяти его вставал пролив, отделяющий Рению от Делоса. Раньше он колебался – стоит ли наносить Поликрату такой удар. Теперь сомнения исчезли.

Взрыв

Открыв глаза, Поликрат отер ладонью пот. Ночной кошмар все еще не покидал его. Это была встреча с Амасисом, но не в зале дворца, а на носу пентеконтеры, оплывавшей остров. И было это не днем, а ночью. Сияли звезды, и их отражения мерцали в воде. Египтянин стоял слева, как тогда наяву Пифагор, и поворачивал руку, любясь блеском кольца. Знакомая золотая оправка. И поначалу Поликрат подумал, что это его кольцо, а затем понял, что на пальце Амасиса полная луна почти с такой же тенью, какую можно увидеть в ясную ночь. Тень перемещалась, принимая пугающие очертания. «Зачем ты заменил смарагд в моем перстне?» – спросил Поликрат. Амасис повернулся. Выступили провалы носа и щек. Блеснули сплошь золотые зубы. «Спасибо тебе за золото», – зловеще прошамкал мертвец, и Поликрат проснулся.

«Конечно же сон навеян новым посланием Амасиса, о котором я размышлял весь день, – успокаивал себя Поликрат. – Мертвец во сне – к счастью. Но какая нелепица – золото во рту...»

Поликрат спустил ноги, и ступни его утонули в ворсе мидийского ковра, покрывавшего пол всей спальни. Вспомнился сатрап Багадат. Ковер – плата за посредничество в дружбе с фараоном.

Мысль Поликрата перенеслась к донесению с Пелопоннеса о неудаче брата в Спарте. Он улыбнулся, живо представив себе, как вытягивались лица эфоров³², слушавших речь Силосонта – брат коротко говорить не умел, – и как старший эфор, когда речь была кончена, наверняка, кривя губы, произнес: «Ты так долго разглагольствовал, что я успел забыть начало, когда ты добрался до конца».

³² Эфоры – должностные лица в Спарте, которым принадлежал контроль за нравами и деятельностью любого спартанского гражданина, включая царей и членов совета.

Поликрат дернул шнур. Занавес раздвинулся, и в спальню хлынуло утро вместе с сиянием моря. Внутренняя гавань пуста. Поликрат вспомнил, что на полдень назначен взрыв Паруса.

«Наконец, – подумал он, – исчезнет эта преграда и корабли смогут входить в гавань даже во время бури. И этого всего добился я, один я. Тоннель, искусственная гавань и безопасный вход в нее. Персы захватили все ионийские города, кроме моего Самоса. Мне удалось отстоять свободу с помощью фараона и разорвать союз, когда он стал опасным. У Камбиза нет оснований гневаться на меня. Я чист».

За спиной Поликрата послышались торопливые шаги. Обернувшись, он увидел повара с сияющим от радости лицом.

– Рыбак, – прокричал он, – принес рыбу, и я ее принял.

– Ну и что? Почему не принять? Рыба была свежей?

– Еще била хвостом. Но, когда я ее стал потрошить, нашел вот это. – Повар разжал кулак, и на ладони его блеснул перстень.

Поликрат закачался и стал бледнее стены. Перепуганный повар немедленно исчез, и через несколько мгновений вбежал казначей Меандрий с телохранителями.

Тотчас же послышался грохот взрыва. Но Поликрат, кажется, его не услышал. Он лежал на ковре, с тупой обреченностью повторяя:

– Не принял... Не принял...

Сотворение мифа

Пифагор шел, не разбирая дороги, натываясь на кусты. «Что меня заставило покинуть город? Не почувствовал ли живущий во мне дух рыбака Пирра, что на этом берегу есть некто, знавший меня в другой жизни? И каким образом я сумел сосчитать вытасканных на берег рыб? Как ощутил в брюхе одной из них кольцо? Почему внушил мысль отнести рыбку Поликрату? Что руководило мной – тщеславие или какой-то неосознанный расчет? «Познай самого себя» – гласит надпись на стене дельфийского храма. Понимал ли впервые сказавший это, что обративший взор в самого себя обречен на блуждание во мраке сновидений? И зачем ограничивать мир самим собою? Да, я увидел кольцо в брюхе рыбы, и не все ли равно, как пришло это необыкновенное зрение? Не важнее ли им воспользоваться, чтобы открыть глаза другим?»

К своему удивлению, Пифагор оказался около дуба Анкея, словно кто-то привел его сюда, чтобы он провел ночь на его выходящих из земли корнях.

Тишина располагала к раздумью, и он вновь и вновь перебирал в памяти числа. Арифметика была для него главной из наук. Он ставил ее выше астрономии и геометрии и надеялся приблизиться к пониманию числа чисел – высшего божества.

Так прошла ночь. Под утро Пифагор задремал и вскоре проснулся от звука, напоминающего падение громовой стрелы. Небо было чистым, и он подумал, что в горах обвал. И лишь тогда, когда взгляду открылось море, вспомнился разговор с Эвпалином. Ему стало не по себе. Чтобы развеяться, он двинулся в гавань, и первым, кого он встретил, оказался мегарец, прохаживавшийся по молу.

Пифагор взглянул туда, где совсем недавно высился Парус, породивший миф о похищении Окирои.

– Конец мифа, – проговорил Пифагор. – И к этому причастен ты, Эвпалин. У всего есть конец. Мифы смертны, как и те, кто их создает. Но на место угасших приходят новые.

– Что ты имеешь в виду?

– Поликратов перстень. Ведь море вернуло его тирану.

Эвпалин испытующе посмотрел на Пифагора:

– Это действительно так. Я как раз в это время явился во дворец, чтобы доложить об окончании всех моих работ, и застал Поликрата без сознания, с перстнем, зажатым в кулаке.

Его нашли в брюхе огромной рыбыны, доставленной каким-то рыбаком. Но ты-то этого знать не мог!

Пифагор загадочно улыбнулся:

– Я это предвидел в тот миг, когда Поликрат занес руку с перстнем для броска. Вот тебе и то, что когда-нибудь станет мифом. И за ним тоже что-то стоит.

– Верная мысль, – согласился Эвпалин.

– Если за мифом ничто не стоит, это выдумка, может быть, и великая, но с ножками пигмея. У нее короткая дорога. У мифа же – далекий путь, потому что он не единоличное творение. Искать его создателя – дело столь же бессмысленное, как пытаться отделить воды моря от вод втекающих в него рек. Мы с тобой, Эвпалин, соучастники гибели одного и начала другого мифа. А ты, как мне кажется, задумал нечто более грандиозное, чем тоннель и мол.

– Ты прочитал мою мысль, и я к этому уже привык. Я действительно мечтаю построить мост, который соединит два материка. Во всяком случае, мне на Самосе больше нечего делать.

Диалог

Простившись с Эвпалином, Пифагор шел домой, ведя спор со своей пребывавшей в сомнениях душой героического века.

– Чего это тебе вздумалось, Пифагор, возвращать Поликрату перстень? – спросил Эвфорб.

Пифагор не сразу нашелся что ответить.

– Мог ли бы я допустить подобное по отношению к моему покровителю Приаму?! – не унимался Эвфорб.

– Конечно, не мог, – отозвался Пифагор. – Тебе бы это просто не пришло в голову. А если бы и пришло, ты бы не смог этого осуществить. У нас с тобой разные горизонты. В твоё время, как на этот раз правильно описано у Гомера, такие знатные люди, как мы, сами мастерили себе ложе и строили дома. Жизнь была прозрачней и гармоничней.

Даже язык у тебя другой, и мне приходится переводить некоторые слова, словно я беседую не с самим собой, а с чужестранцем. Ты ведь называешь Милет Меловандой, Илион – Вилушей, Самос – Кипарисией, Пелопоннес – Аппией. Что касается твоего первого вопроса, то у тебя впереди еще полтысячелетия, моя же последняя жизнь на исходе. Да и что болезнь Поликрата и даже его гибель по сравнению с той темнотой, которая грозит человечеству, если факел знаний, зажженный мною в Индии и пронесенный через весь материк, погаснет? Сколько потребуются столетий, пока его воспламенит кто-нибудь другой?.. Вот ты был в Вавилоне еще до меня и изучал там математику, так же как я, но лишь для того, чтобы удовлетворить собственную страсть к знаниям и честолюбие. Ты и не помышлял о том, что знание нуждается в защите.

– А зачем знанию защита? Ведь нет Агамемнона, стремящегося к его захвату и обладанию.

– Дело, мой друг, не во внешней опасности, она существует и теперь, но в разных уровнях знания. В твоё время не могло быть конфликта между мудростью и властью. Приам не пытался использовать твои знания в своих интересах. Он был законным царем, ему не угрожал ни Гектор, ни Парис. Поликрат же страшится родного брата. Не забудь – ты ведь человек медного века, а я железного.

– Допустим. Но почему тебе понадобилось наносить Поликрату такой удар исподтишка? Ведь это бесчестно.

– А честно было превращать акрополь в свою резиденцию? Честно было...

– Но Поликрат делал это для спасения своих подданных, своих соотечественников.

– А я считаю делом своей чести спасение не Самоса, как он мне ни дорог, а науки от деспотии не только Поликрата и ему подобных, но и от персов, стремящихся к порабощению эллинов.

– А кто такие персы? Не потомки ли они Персея?

– О нет, хотя, как ни странно, такое мнение высказывается довольно часто. Персы – это народ, находившийся в твое время за Эламом и переселившийся в земли Элама через пять поколений после окончания твоей жизни. Затем они захватили земли, принадлежащие царям Лидии, Вавилона, Египта. Самос, по расположению ближайший к ним остров, казалось бы, предназначен судьбой быть на грани между Азией и Европой. Отсюда должен был бы вестись диалог между материками. Но стало необходимым перенести дух в более безопасное место, найти ему новый центр, крепость разума. Я вскоре покину эти места, где начинался в тебе, и больше никогда не вернусь на наш остров. Я буду вести диалог оттуда, и он не завершится с моей смертью.

Часть II. Наварх

*Где же тот материк, где же то побережье,
Где тот город, что станет началом начал?
И когда же над миром безумья забрезжит
Откровение циркуля, а не меча?*

Оройт

Оройт неторопливо поднимался к Астипалее. Устремленные вперед миндалевидные глаза и задорно вздернутые усы придавали холеному, матового цвета лицу выражение холодной заносчивости. Справа от сатрапа шел воин в обычном персидском одеянии с копьем, обращенным к небу, слева – человек средних лет в коротком эллинском гиматии, сзади – пятеро рослых воинов с копьями наконечниками вниз. Один из них нес на плече небольшой калаф.

Оройт намеренно не предупредил о своем решении посетить остров и встретиться с его правителем, словно бы желая показать, что Самос был уже владением царя царей, или же он действовал в соответствии с услышанной от какого-то ионийца эллинской поговоркой: «Благородный может являться к худородному без приглашения». Не исключено также, что он рассчитывал на неудовольствие или на прямое оскорбление как на повод для вторжения, – войско стояло наготове по ту сторону Самосского пролива.

Как бы то ни было, расчет сатрапа не оправдался. Самосцы восприняли появление чужеземцев в азиатских одеяниях не как демонстрацию силы и угрозу, а как некое красочное представление. Оказавшийся в гавани казначей Поликрата Меандрий встретил Оройта с почтением и взялся сопровождать его в акрополь. Сатрап, даже не остановившись, передал через толмача, что сумеет и сам отыскать дорогу.

Так Оройт со своей свитой беспрепятственно достиг Астипалеи. Пройдя по мостику меж двух застывших в изумлении стражей, он двинулся через сад к дворцу, где стоял Поликрат, которого Меандрий успел предупредить, воспользовавшись подземным ходом.

И вот они, правитель Азии и владыка островов, расположились друг против друга, разделенные столом, как проливом. Поликрат не понимал по-персидски ни слова. Оройт не знал ни одного из языков, на которых изъяснялась его огромная сатрапия, считая, что ему достаточно языка палки.

Глядя как бы сквозь Поликрата, перс не торопился сообщать о цели визита. Он явно наслаждался замешательством того, кто возомнил себя владыкой морей и даже приковал один из островов к другому.

Поликрат, ожидая самого худшего, был бледнее стены. «Очевидно, персы вошли в Египет и появление сатрапа связано с этим», – с ужасом думал он.

Оройт, не меняя положения, бросил несколько слов, и толмач, стоявший за его спиной, перевел:

– Царь царей Камбиз волею Ахурамазды вступил в Египет как победитель. Он наказал твоего союзника.

– Бывшего союзника! – выкрикнул Поликрат. – Прошло уже более трех месяцев, как наш союз разорван.

Иониец сказанного не перевел. Оройт же, помедлив, дал знак одному из воинов, и тот опрокинул на стол калаф.

С легким шелестом выкатилась забальзамированная, страшная в своей неправдоподобности голова Амасиса с провалами носа и щек и золотыми зубами в яме рта.

Поликрат отшатнулся. Лицо его покрылось каплями пота. По телу прошла дрожь.

Оройт не скрыл удовлетворения произведенным эффектом. В глазах его появился блеск, губы растянулись в торжествующей улыбке. Но Поликрат ничего не замечал, не в силах отвести взгляда от сморщенного лица того, кто был ему другом. «Сон сбылся!» – шептал он, глотая словно бы отяжелевший воздух.

– Царь царей Камбиз, – продолжал иониец, – приказав вытащить мумию самозванца и обманщика, подверг ее бичеванию. Сыну наказанного была сохранена жизнь, а его дочь взята в служанки. Тебе же царь царей повелел передать, что объявлена война нечестивым картхадаштам, поедаящим собак, священных тварей Ахурамазды. Ты должен доставить к следующему новолунию в Навкратис сорок кораблей с матросами и воинами. Кормчие для их сопровождения придут с Кипра. Надеюсь, тебе понятно, что будет с тобой и с твоими подданными, если ты вовремя не выполнишь приказа царя царей.

Едва были переведены последние слова, Оройт шумно поднялся и, сопровождаемый свитой, не простившись, покинул лесху.

Поликрат встал. Но ноги его не держали, и он грузно опустился на скамью.

Лучи мрака

На небе выступило созвездие Пса, и началась ненавистная всему живому несусветная «собачья» жара. Опустели улицы и агора. Горожане скрылись в домах за запертыми ставнями. Но, кажется, ничто не могло остановить Пифагора, и он по-прежнему выходил на заре, возвращаясь поздно вечером, или оставался в пещере на ночь.

В тот день, не найдя друга ни в городе, ни у моря, Анакреонт отправился на поиски к знакомому ему месту. Поднявшись к дубу Анкея, он увидел Пифагора, выбегающего из пещеры.

– Ты мне как раз нужен! – воскликнул Пифагор, обнимая поэта. – Тебя послала сама Гармония.

– Гермес, – отозвался Анакреонт. – Я с новостями!

– Сначала дело! – отмахнулся Пифагор. – А я уже не надеялся, что кто-нибудь обо мне вспомнит, и вот двойная радость – друг и к тому же человек, обладающий слухом. Давай войдем в пещеру.

Прикрепленный к стене факел бросал свет на ряд кольев, соединенных струнами.

– Ого! – протянул Анакреонт. – Вот что тебя занимало! Пещера чисел превратилась в гигантскую кифару. Не собираешься ли усладить пещерной музыкой слух богов?

Пифагор усмехнулся:

– Напротив, пытаюсь вырвать одну из их тайн. Я исследую высоту и соотношение тонов. Струны издают звуки не только в зависимости от их толщины, но и длины. Как видишь, толщина одинакова, различие – в длине. Наименьшая длина принята мной за монаду, следующая – доада, средняя – триада и так далее. Всего их семь. По моему знаку ты будешь с одинаковой силой ударять палкой по каждой из струн. Итак, я выхожу наружу. Начнем.

После того как палка прошла по всем струнам, Анакреонт рванулся к выходу, но Пифагор его задержал. Вернувшись, он увеличил натяжку струн и заставил Анакреонта колотить вновь и вновь, то уменьшая, то увеличивая промежутки ударов.

– Ты меня замучил! – взмолился Анакреонт. – Объясни наконец, какую преследуешь цель!

– Ты это заслужил, – сказал Пифагор, гася факел о землю.

Они уселись под дубом, и Пифагор начал:

– Движущиеся постоянно в космосе тела, такие же сферы, как мир, в котором мы пребываем, посылают лучи, оказывающие воздействие на все живое: на растения, на животных, на людей. Эти лучи подобны палке, которой по моей просьбе ты ударял по струнам. Мне надо определить характер и законы этого звучания, какое я не всегда могу услышать, хотя и нахожусь под его воздействием и творю, создавая что-либо, в зависимости от этих лучей – от их скорости, от их наклона, от приближения той или иной планеты к Земле и к Солнцу.

– Погоди. А я могу услышать голоса этих планет?

– Ты их воспринимаешь, не давая себе в этом отчета, подобно растению, поворачивающемуся к солнцу.

– Не то ли это, что меня порой захватывает и заставляет слагать напевы, что мы называем музами?

– То самое. Гесиод, лучше, чем кто-либо сказавший о дочерях Мнемозины Музах, воссоздает их зрительный образ. У меня нет в этом нужды, ибо я оперирую связанными со звуками числами. С их помощью я устанавливаю общие законы, по которым возникают, развиваются и рушатся миры.

Проговорив это, Пифагор положил ладонь на плечо друга.

– Ну, теперь выкладывай свои новости.

Анакреонт начал:

– К Поликрату прибыл вновь назначенный сатрап Камбиза Оройт с требованием отправить в Египет, захваченный персами, корабли с командой.

– Едва вступил на трон – и уже воевать! И чем досадил осторожный Амасис этому деспоту?

– Камбиз, – продолжал Анакреонт, – утвердившись на престоле, отправил в Египет послов, известив фараона о своем желании с ним породниться. Амасис же, прослышав о безумствах Камбиза, послал ему под видом собственной дочери дочь свергнутого и убитого им фараона Априя. Узнав об обмане, Камбиз пришел в ярость, поклялся наказать Амасиса плетьюми и тотчас стал готовиться к походу. Напуганный Амасис скончался. Фараоном объявлен его сын, поведший войско к границам Египта.

Пифагор сжал голову ладонями:

– Бедный Поликрат! Несчастный Самос! Пробились лучи мрака.

– Мрака? – удивился Анакреонт. – Разве мрак может испускать лучи?

Пифагор молчал. На лбу его выступила испарина. Глаза остановились.

– Что с тобою, друг мой?! – вскрикнул Анакреонт.

Пифагор увидел себя неподвижно лежащим у пылающего костра. Языки пламени подползали к охладевшему телу, но душа уже не ощущала жара. Он явственно услышал собственный голос, обращенный к самому себе: «Еще мгновение, Эвфорб, – и твое «я» оставит отслужившее тело всепожирающему огню и соскользнет с утеса, чтобы понестись над гребешками волн. Неведомо, сколько лет или столетий будет длиться полет, но однажды оно отыщет новорожденное человеческое или животное существо, чтобы расти вместе с ним, пока оно себя не осознает и не начнет припоминать минувшее до этого крайнего часа. Две жизни соединятся в одну, чтобы затем влиться в еще одну и стать главным из чисел – триадой».

Лицо Пифагора оживо. Никогда еще Анакреонт не видел его таким оживленным.

– Теперь меня не мучают провалы Мнемозины, – проговорил Пифагор, блаженно улыбаясь. – Я знаю, что моя первая кончина была достойной. Я на вершине. Ведь Самос на языке лелегов – «вершина». Я выполнил свой долг перед Илионом. Теперь я буду служить Самосу. Тебя удивило выражение «лучи мрака»? Знай, что лучи отбрасывают все зримое и незримое,

свои собственные и отраженные. Вот ты смотришь на меня и недоверчиво ощупываешь мое лицо лучами своих глаз. Возвращаясь к тебе отраженными, они создают мой образ. Я называю его эйдосом. Космос полон таких эйдосов. И если ты их не видишь, то это не значит, что ты смотришь в пустоту. Несовершенно твое зрение, как несовершенны твой слух или обоняние хотя бы по сравнению со зрением орла или обонянием собаки. Порой эйдосы открываются нам как привидения, и мы отдаем их под власть ночной богини Гекаты. Меня они посещают и днем. Родопея предупреждала о неизбежности войны, и я попытался вмешаться. Опыт удался. Но от него никакого толку. События приняли неожиданный и опасный оборот.

– Подожди, Пифагор! – перебил Анакреонт. – О каком опыте ты говоришь?

– Только не о том, участником которого ты был. Теперь это станет мифом.

Решение

Солнце едва поднялось из вод и еще не рассеялся утренний туман, когда Пифагор оказался у дома и стоял, размышляя, стоит ли будить отца. Но вот скрипнула дверь.

Увидев Пифагора, Мнесарх выбежал ему навстречу.

– Ты знаешь, что случилось?! Критяне врываются в дома и хватают всех подряд! Родителей беглецов заключают в доки! К нам пока никто не заходил, а у соседей уже увели стариков.

Пифагор нахмурился:

– Это великое бедствие, отец, и я не могу остаться в стороне. Совесть мне приписывает разделить общую судьбу.

– Хорошо ли ты подумал, Пифагор?! – в ужасе закричал Мнесарх. – Ты же идешь на верную гибель!

– Разве, отец, я похож на человека, действующего по первому побуждению? Ты забыл, что во мне кипит кровь Эвфорба и Пирра?

Мнесарх опустил глаза. Упоминание о прежних жизнях сына каждый раз ввергало его в немоту.

– У меня возник план, – проговорил Пифагор после недолгого раздумья. – Не время его раскрывать. Но я уверен: молодежь Самоса будет спасена.

– Тебя же нет в списках! – не унимался Мнесарх. – Видимо, наемники обошли наш дом не случайно. Поликрат тебя ценит. Почему бы тебе с ним не встретиться и не поделиться своим планом спасения Самоса?

– Поликрат болен, да если бы и был здоров, в моих советах не нуждается. Что касается списков, меня там, должно быть, действительно нет. Чтобы не навлечь на тебя беды и осуществить свой план, я назовусь Эвномом.

– Тебя же здесь все слишком хорошо знают, чтобы спутать с Эвномом! – закричал Мнесарх.

– Но не наемники. Что касается тебя, придется немедленно покинуть остров.

– Так, сразу? Бросить дедовский дом? Оставить родные могилы?

– Но не прибавлять же к ним свою? Вспомни о судьбе Фокеи и Теоса. Те, кто вовремя ушел из этих городов, остались людьми, а тот, кто побоялся оставить добро и родные могилы, достался вместе с ними варварам. Желаящий быть свободным не должен медлить и колебаться.

Говоря это, Пифагор уловил опущенный долу взгляд отца. Ранее тот словно бы не замечал его ног, так же как избегал затрагивать во время бесед то, что ему казалось ненормальным в поведении или в речах сына.

– Давай я принесу тебе теплой воды, – проговорил Мнесарх.

В это мгновение дверь задрожала от ударов.

– Спокойно, отец, – проговорил Пифагор. – Спокойно, мой дорогой. Ведь мы с тобой договорились обо всем.

У корабельных доков

Квадрат, образованный корабельными доками и линией мола, колыхался сотнями голов. Кто устроился на обструганных бревнах, кто на кучах опилок. Судя по выражению лиц, согнанные свыклись с неизбежностью, хотя и страдали от ожидания. Скорей бы!

Время от времени оглашалось очередное имя. Писцы, сидя за столами с развернутыми папирусными свитками в руках, вызывали по одному. Их интересовали возраст, прохождение военной службы на море или на суше. Пифагор заметил Меандрия, что-то втолковывавшего писцам.

Наконец глашатай выкрикнул: «Эвном!» – и Пифагор приблизился к столу. Лицо Меандрия удивленно вытянулось.

– Как ты тут оказался?!

– Как все. Мне нет пятидесяти.

– Но тебя нет в списке!

– В списке есть Эвном, и я его решил заменить. Разве это не естественно? Брат за брата.

– Но ты ведь не корабельщик и не воин.

– Зато я знаю языки, – возразил Пифагор. – Поверь, это может принести пользу. Кроме того, мне хочется устранить мучающее меня упущение: я никогда не был в стране, с которой связано столько чудес и небылиц.

Меандрий неодобрительно пожал плечами:

– Почему же тогда ты не посетил Египта при жизни фараона, дружившего с Поликратом? Теперь его царством правит безумец, и стремиться туда – не меньшее же безумие.

– Часто называют безумием то, чего не в состоянии объяснить, иногда же возбуждение, которого удастся добиться искусственным путем.

– Говори яснее.

– Персидские цари, открывая совет, спрашивают, все ли приняли хаому.

– Хаому?

– Это сок какого-то неведомого нам растения, обладающего свойством обострять силу ума и развязывать языки. Не выпившие хаомы на царский совет не допускаются, чтобы мысли их не были скованными, а язык лживым. Должен сознаться, что отец, узнав о принятом мною решении, тоже назвал меня безумцем. Но кому-то надо обезуметь, чтобы спасти Самос.

Меандрий покачал головой:

– Я вижу, ты непреклонен. Можешь оставаться. Я вношу тебя в список вместо брата. Но на посадку не выходи.

Из разговора Пифагор заключил, что все остальные перед посадкой на суда будут распределены по кораблям и выстроены. Задание для людей, не знакомых со сложными подсчетами, отнюдь не легкое. Ведь кроме данных, имеющихся у писцов, надо учитывать также вместимость судов: Пифагор заметил, что у мола стояли старинные пентеконеры, триеры, а также самояны. Поэтому, видимо, предварительно команды будут собраны у мола, а затем отведены на палубы.

Быстро стемнело. Пифагор, положив под голову мешок, расположился у бревен и мгновенно погрузился в сон. Он пробудился от чьего-то шумного вздоха. Полная луна освещала склонившееся над ним широкое безбородое лицо со вздернутым носом.

– Залмоксис! Как ты тут оказался? – удивился Пифагор.

– Господин уехал, как только начался переполох. Меня он не взял с собою. Ведь я пугаю коней. Критяне схватили меня и привели сюда вместе со всеми.

– Я вижу, ты чем-то взволнован. Что случилось?

– Там, в доках, люди, – сбивчиво заговорил Залмоксис. – Я отсюда слышу плач и проклятия. Вот сейчас некто уверяет, что Поликрат отправил гонца к Оройту и вызвал его на остров, чтобы тот от имени царя приказал отправить самосские корабли в Египет, ибо тиран с тираном всегда найдут общий язык и нет для тирана никого опасней собственных граждан. Я понял, что это родственники скрывшихся. Ворота не охраняются. Замок легко сбить.

– Дай мне, мальчик, пожать твою руку, – сказал Пифагор. – У тебя доброе сердце.

– Господин, почему ты называешь меня мальчиком? Ты же видишь, что у меня крепкая рука!

– Но ведь тебе нет двадцати?

– Нет. Мне пятнадцать.

– Значит, ты мальчик. После двадцати лет будешь юнцом, а достигнув моих лет, станешь юношей. Впрочем, такова моя система возрастов. Старикам надо помочь. Но замка мы сбивать не будем. Надо подумать, как дать им законно вернуться в свои дома.

Дома, кошки и мышки

Едва рассвело, когда появились несколько городских рабов с кольями. Вскоре колья покрыли все свободное пространство, будучи воткнуты на некотором расстоянии друг от друга. Затем писцы прикрепили к каждому колу дощечку с названием судна. К полудню глашатай провозгласил названия кораблей и имена всех, входивших в три судовые команды. Каждая команда должна была подойти к своему колу и оставаться возле него до утра, когда намечались посадка и отплытие.

Казалось, все было продумано. Но едва успели люди подняться на берег, как оттуда послышались вопли на ломаном эллинском языке. Перевесившись через перила, финикийские кормчие, которым было приказано сопровождать суда до Навкратиса, выкрикивали ругательства, сопровождая их соответствующими выразительными жестами. Одни вопили, что им дали старцев, которые не в силах и весла поднять, другие – что им достались люди, видевшие парус лишь издали.

Пришлось возвратить команды на берег и весь остаток дня заниматься перестановкой. Но на следующее утро повторилось то же самое. Писцы встревоженно забегали.

И тогда Пифагор, подойдя к Меандрию, обратился к нему с должным почтением:

– Если мне будет дозволено, я помогу тебе решить несколько видоизмененную задачу с домами, кошками и несчастными мышками.

Меандрий взглянул на Пифагора как на безумного.

– Как ты сказал? Мышками?

– Ты меня не понял, – проговорил Пифагор. – Речь идет о том, чтобы никто не остался на берегу и кошки с мышками были распределены по домам равномерно. От тебя требуются списки судовых команд и сведения о вместимости каждого судна.

– Но при чем тут дома, кошки и мышки?

– Так озаглавлена древняя задача, подобная твоей. Ее, судя по прочитанным мною ассирийским письмам, разгадали в Вавилоне более тысячи лет назад. Воспользовавшись этим, я справлюсь с твоей задачей. Но при одном условии – если ты освободишь из доков несчастных старцев.

Лицо казначея вытянулось. Видимо, он никак не мог связать задачу, которую обещал разрешить Пифагор, с пленниками доков, но понимал, что должен согласиться с предложением Пифагора.

– Пусть будет по-твоему. Я рискну выпустить старцев, как только поднимутся якорные камни.

Прошло немного времени, и команды вступили на палубы. На этот раз кормчие не подняли крика. И вскоре послышалось потрескивание якорных камней. Корабли начали отчаливать. «Минос» качнулся. Самос стал удаляться. Ресницы, едва дрогнув, словно от дуновения ветерка, выдали волнение, охватившее Пифагора при мысли, что он прощался с Самосом навсегда. Но лицо его скорее выражало радость. Стоя у борта, он глядел, как площадь заполняется стариками и старухами. Некоторые поддерживали друг друга, не обращая внимания на отходящие корабли. Они не догадывались, кто их спас.

Пифагор положил ладонь на плечо мальчика.

– Когда делаешь доброе дело, не имеет значения, узнают об этом или нет. И пусть несчастные припишут свое освобождение доброте Меандрия. Мы с тобой выполнили то, что зависело от нас.

На палубе

– Как тебе это удалось, господин? – обратился к Пифагору Залмоксис, когда Самос исчез из виду. – Что это за вавилонская задача, которую ты назвал, если это, конечно, не тайна?

– О нет! – рассмеялся Пифагор. – Подойдем к корабельным канатам, и я тебе ее объясню.

И вот уже участок палубы покрылся квадратами и треугольниками. Появились зрители. Один из них, уже немолодой человек, неодобрительно покачивал головой. Это был плотный мужчина с большими волосатыми руками и широким лицом, усеянным веснушками. Обшитый золотыми нитями гиматий говорил о том, что этот человек был не из числа тех, кто добывал хлеб физическим трудом.

– Зачем парня мучаешь? Ведь быть ему не натягивателем веревок, а воином на персидской службе, так же как тебе и всем нам.

– Как тебя зовут? – спросил Пифагор, отрывая уголек от палубы.

– Я Никомах, – протянул незнакомец. – Самояна, на которой мы плывем, как и все другие, – из доставленного мною леса.

– Я могу понять твою обиду, – проговорил Пифагор. – Но с предсказанием не согласен. Откуда твоя уверенность, что мы будем воинами? Когда-то мне было предсказано, что я никогда не вступлю на землю Египта. Далее, почему ты решил, что я учу землемерному делу?

– Из твоих начертаний.

– Но ты бы мог предположить, что я хочу познакомить мальчика, допустим, с устройством знаменитых пирамид, воздвигнутых на берегу Нила в незапамятные времена.

– Пожалуй, – отозвался Никомах.

– Наверное, – продолжил Пифагор, – можно было бы отыскать еще сотню применений геометрии – науке, которая всем этим занимается. С ее помощью мы измеряем землю не шагами, а мыслью, и более того – наша рука, которой водят боги, отражает красоту отпущенной нам жизни, и линии, отрывая нас от земли, ведут к звездам. Геометрия показывает нам, что миром управляют не бездельники и развратники, какими их изображают поэты, а существа, наделенные высшим интеллектом. Нам надлежит быть похожими на них.

Выручай, Нестис!

На третье утро показались зеленый мыс и гавань, окруженная белыми домами.

– Китион! – воскликнул Пифагор. – Древнейший из городов Кипра! По его имени в древности называли весь остров. Здесь, возвращаясь из Индии, я прожил месяцы зимних бурь и в счастливом времяпрепровождении обрел Фузей, среди них Абибала, человека высокой души. Твоя задача, Залмоксис, – найти дом Абибала. Он сразу за агорой. Стены розового цвета. У входа – изображение корабельного носа с фигуркой пигмея, черного человечка. Абибалу уже

должно быть известно, что персы объявили войну Кархедону, а возможно, и то, что царь царей намерен послать против кархедонцев самосские корабли. Но он не знает, что на одном из кораблей я. Это ты ему объяснишь.

– А поймет ли китионец меня?

– Финикийцы и элины живут на этом острове вместе много поколений. Как давние соседи, они знают язык друг друга. Итак, объясни Абибалу, что я на корабле, и передай следующее: пусть он отыщет кархедонские корабли и сообщит наварху³³, что корабли Самоса, готовые к бою, направляются в Египет. Захватить невооруженные корабли с людьми, не рвущимися в персидское рабство, и кормчими-финикийцами не составит труда.

– А если Абибала не окажется в городе?

– Молодец! – похвалил Пифагор. – Это не исключено. Тогда ты все сообщишь сыну Абибала, мальчику твоих лет. Он хромает и в море пока не выходит. Он выполнит мое поручение с помощью кого-либо из братьев Абибала, которые, как и он, занимаются торговлей и тоже владеют керкурами. Ты дождешься следующей ночи и с берега дашь мне знак факелом, очертив им круг над головой. Я пойму, что поручение выполнено, а если нет, проведешь прямую линию перед собой. Запомнишь?

– Да, господин. И когда я должен отправляться?

– Сейчас. Кто знает, удастся ли тебе покинуть судно в городе. Ты родился на Гебре и, наверное, хорошо плаваешь?

– Конечно!

– До берега менее двух стадиев. Пока корабли обогнут этот мыс и причалят, ты окажешься уже вон там, у Соленого озера, а оттуда до дома Абибала рукой подать.

Они помолчали.

– Ты, разумеется, мечтаешь вернуться на родину, – проговорил Пифагор. – Согласно распоряжению Поликрата, раб, взятый в качестве воина на корабли, освобождается от власти господина. А я тебя сразу отпускаю с корабля.

Дрожащий голос, которым были произнесены эти слова, не соответствовал их смыслу. Пифагор не отпускал Залмоксиса, а отрывал его от себя. И Залмоксис это понял, глазами, полными слез, он смотрел на протянутый ему остракон со знаком пентаграммы.

– Это будет для Абибала знаком того, что он должен о тебе позаботиться. Если встретишь Метеоха, расскажи ему о случившемся, и пусть он поможет тебе добраться до крестонеев. Я буду тебя помнить, Залмоксис, с благодарностью.

– А мне?! Как мне тебя благодарить? – отозвался мальчик. – Мои одноплеменники не только не умеют ни считать, ни писать, но гордятся этим, считая подобные занятия позором. Ты открыл мне мир.

Пифагор обнял Залмоксиса и подтолкнул его к борту.

– Плыви к этому мысу, и ты будешь у Абибала раньше, чем мы причалим.

Залмоксис подошел к перилам и, воскликнув: «Выручай, Нестис!», соскользнул за борт. Раздался легкий всплеск. Следя за то возникающей, то исчезающей рыжей головкой, Пифагор прокручивал в памяти незнакомое ему имя. «Кто бы это мог быть? – думал он – Бог или богиня? Не от той ли же основы имя Нестор?³⁴ Или с ним связано название реки Несс?³⁵

Наконец голова, мелькнув последний раз, исчезла. Пифагор отвернулся. Ни одно из расставаний после прощания с матерью не было для него тяжелее, чем это.

³³ Наварх – командующий флотом.

³⁴ Нестор – в греческой мифологии царь древнего Пилоса, герой нескольких человеческих поколений, воплощение мудрости и долголетия.

³⁵ Несс – река Фракии, а также имя кентавра, пытавшегося при переправе через эту реку похитить жену Геракла Деяниру и убитого им отравленной стрелой.

Леонтион

Решение Пифагора отправить Залмоксиса вплавь оказалось разумным. Едва корабли причалили, откуда-то появились персидские лучники. Они образовали цепь, не пропуская никого на мол и следя за тем, чтобы никто с кораблей не сошел на берег. Около полудня к «Миносу» приблизился знатный перс. По спущенным сходням он поднялся на борт и был встречен почтительно склонившимся кормчим. Заскрипели ступени лестницы, ведущей на нижнюю палубу. Кажется, они спустились в каюту. Будь на корабле Залмоксис, Пифагору стали бы известны планы персов. Теперь же оставалось ждать и надеяться, что Залмоксис отыщет Абибала и тому хватит времени для выполнения задуманного.

Вскоре после ухода перса у крайнего судна показались четыре раба, груженных бурдюками. Кажется, персы не торопились. И Пифагор подсчитал, что загрузка всех сорока судов займет конец этого дня и весь следующий. А там, глядишь, выход в море задержит что-нибудь еще.

До наступления темноты рабы, успев загрузить девять кораблей, удалились. Устроившись у правого борта, Пифагор всматривался в берег. Волнение его возрастало. Абибал, против обыкновения, мог взять сына с собою, ведь хромота не препятствие для моряка. Или персы отобрали у китионцев керкуры – они ведь здесь хозяева. Не сомневался Пифагор лишь в одном: если Абибал на месте, он сделает все возможное и невозможное для спасения самосцев. Но вот в рощице на значительном расстоянии от мола блеснул факел, и стал явственно виден очерченный им огненный круг. Кровь прилила к лицу Пифагора, и он возблагодарил молитвой бога добрых вестей. Огненный круг повторился. И в это мгновение Пифагор услышал, как рядом по борту от тяжести трется якорный канат.

Наклонившись, он увидел черную голову и быстро скользящие руки. Ладонь, оторвавшись от каната, коснулась рта. Человек перекинул тело через перила, и Пифагор ощутил под ступнями влагу. Лицо юноши было Пифагору незнакомо. Нет, это не был посланец Абибала, как он предположил в первое мгновение.

– Я с соседнего судна, – послышался приглушенный голос. – Мое имя Леонтион. Мы решили связать кормчих и выйти в открытое море, пока на корабли не введены персидские воины.

– Кто это мы? – шепотом спросил Пифагор.

– Я с «Тесся», – проговорил юноша, глотая слова. – Я уже оплыл два судна, там с нами согласны. Присоединяйтесь! Сегодня или никогда.

– Эта мысль возникала и у меня, – прошептал Пифагор. – Уйти можно было еще и раньше. Но, взвесив последствия, я отказался от такого замысла. О бегстве известили бы Оройта, и его воины, переправившись, вырезали бы всех наших.

– Но ведь уйдут не все корабли. Неужели из-за трех-четырех судов поднимется такой переполох?

– Видимо, ты не знаешь персов. У них действует закон круговой поруки. За побег немногих расплатятся все. Оройту хватило бы и одного скрывшегося корабля – нужен лишь повод, чтобы покончить с ненавистной ему свободой Самоса и очистить остров для персидских переселенцев.

– Что же, по-твоему, мы должны сидеть сложа руки?

Пифагор склонился над юношей:

– Когда ты карабкался по канату, тебе случайно не был виден факел, прочерчивающий круг?

– Видел. Ну и что?

– Это мои друзья дали знак, что хотят нам помочь. Ты еще успеешь оплыть корабли, на которых побывал, и передать, что имеется другой план, более надежный и не создающий угрозы Самосу. И передай, что, если появятся чьи-либо корабли, не надо их пугаться. Следует вести себя как людям, захваченным в плен и жаждущим освобождения. А храбрость, достойную твоего имени, тебе, Леонтион, еще удастся проявить.

Условный знак

На заре, еще до появления на корабле водоносов, Пифагор прошел на корму. Кормчий лежал на подстилке у весла с открытыми глазами. Услышав шаги, он поднял голову.

– Тебе чего? – спросил он по-эллински.

– Да вот хочу узнать, сколько дней пути от Китиона до Навкратиса, – ответил Пифагор по-финикийски.

Кормчий повернулся на бок.

– Да ты говоришь по-нашему! Не с Кипра ли?

– Немного говорю, – сказал Пифагор, присаживаясь. – Я, как все, самосец, но в Сидоне и Тире в юности жил почти три года.

– Редко эллины по-нашему изъясняются, если они не с Кипра, – заметил кормчий. – Что касается твоего вопроса, при северном ветре в корму – а другие ветры в эти месяцы здесь не дуют – до Египта от южного берега Кипра не более трех суток. На веслах было бы дней шесть тянуть, а то и семь. Но тебе, насколько я понимаю, в Навкратис не к спеху?

– Пожалуй, – отозвался Пифагор. – У нас на Самосе говорят: «Поспешность к лицу только глупцу». Я слышал, что наш крайний срок – полнолуние, а до него еще десять дней.

На мол в сопровождении воинов вышли водоносы. Кормчий, дав знак своему помощнику спускать трап, стал у мачты рядом с лестницей в трюм. Один за другим носильщики поднимались по дощатым мосткам, пружинившим под их ногами, и с шумом сбрасывали с голых потных плеч свои ноши. Один из бурдюков привлек внимание Пифагора. На нем охрой был выведен треугольник. В центре его – какая-то фигурка. Наклонившись, Пифагор разглядел медвежонка с уморительной мордочкой.

Волна радости захлестнула Пифагора. Он мог бы запеть, если бы не соседство кормчего.

– Тебя как зовут?

– Мисдес. Тебя же, я знаю, все называют Пифагором. И что ты, Пифагор, думаешь насчет этого раскрашенного бурдюка?

– Должно быть, кто-то с берега нам знак подает. Держитесь, мол. Ждут вас хорошие вести.

– Что ж, будем держаться, хотя времена страшные. Слышал ли ты, что персы в Египте вытворяют? Люди от отчаяния в Ниле топятся. А нашим родичам, картхадаштцам, война из-за собак объявлена. И какое им дело, что кто ест...

– Собака у персов священное животное, – заметил Пифагор. – Ведь они бродячим собакам и птицам с кривыми когтями отдают на съедение своих покойников.

Кормчий всплеснул руками:

– Настоящие дикари! Надо же такое! Телами родителей собак кормить...

Пифагор пожал плечами:

– Таковы их обычаи. И конечно, есть собак, да и не только собак, но и других животных – это варварство, но с ним надо бороться не оружием, а убеждением. Однако довольно об этом. Скажи, Мисдес, когда тиряне отмечают великий праздник Мелькарта?

Финикиец разгладил пальцами морщины на лбу.

– Праздник будет через четыре дня. А что?

– Просто так. Был я в Тире как раз в этот день. Хотелось проверить, не изменила ли мне память. Как сейчас помню. В проливе между Тиром и материком корабли всех основанных

Тиром колоний, ночью же в гавани – факельное шествие. Удивительное торжество – единение рожденных от одного корня. Такое же не мешало бы ввести и эллинам.

Абдмелькарт

Полдня корабли шли, не теряя из виду берег, сверкавший, подобно створке драгоценной раковины. Кажется, именно здесь родилась Афродита, сделав остров привлекательным для обитателей Азии и Европы, селившихся рядом и сменявших друг друга на протяжении столетий.

«Море, – думал Пифагор, – будучи такой же частью космоса, как земля, небо, ночь, огонь, вобрало в себя все их качества. В нем глубина Неба, непрозрачность Земли, полыхание Огня, прохлада Ночи. Оно – вечное колебание материи. Ведь Посейдон – это бог колебаний. Раскатистый хохот, содрогающийся в схватках земли, грохот туч, разрешаемых зигзагами молний, – это его эхо. Оно – кипящий котел превращений. Данный живым существам мозг – его слепок. Его размытые, неизведанные дали – память.

Буря – его безумие. Насколько же непохожей кажется его стихия на видимую поверхность земли!»

Как ни пытался Пифагор отвлечь себя размышлениями, волнение не проходило, и он подошел к кормчему.

– Как бы ты себя повел, Мисдес, если бы вдруг появилась флотилия Картхадашта?

– С тех пор как у нас на острове обосновались персы, картхадаштцы обходят Кипр стороной. А почему ты спрашиваешь?

– Да ведь из-за них нам приходится плыть в Египет.

– Трудно сказать, – проговорил кормчий не сразу. – Наверное, не стал бы от них бежать. Да и ход у их кораблей быстрее, чем у меня.

К борту «Миноса» приблизилась кархедонская гаула с опущенными веслами. Между судами образовалась медленно сужающаяся полоска воды. Мисдес перебросил за борт канат, который кархедонцы тут же закрепили. На палубу самояны перешел муж плотного телосложения в синем одеянии и, внимательно оглядев всех, двинулся к Пифагору.

– Тебя приветствует суфкет Абдмелькарт, – представился он. – Я возглавляю посольство, ежегодно отправляемое к нашей матери Тиру с дарами от преданной дочери. Война не могла помешать выполнению священного долга, но для охраны посольского судна выделены эти военные корабли. Поэтому мы и оказались в этих водах. Знал ли ты об этом, отправляя ко мне своего вестника?

– Я был уверен, что посольство должно посетить Тир, и догадывался, что на Кипр, захваченный персами, оно заходить не станет. Таков мой расчет.

– Не только разумный, но и взаимовыгодный, – подхватил суфкет. – Я обещаю сделать все, чтобы картхадаштцы не рассматривали вас как пленников, а ваши суда как военную добычу.

– Я надеюсь.

– Теперь же я отправлю посольское судно в Тир и буду сопровождать твои корабли до Картхадашта, где на совете будет решаться ваша судьба. Мои корабли пойдут сзади, чтобы вас охранять от всяких неожиданностей.

– Но сначала, видимо, мы зайдем в Кирену, – заметил Пифагор.

– Мы на это рассчитывали, ибо на пути к Тиру всегда останавливались в этом прекрасном городе, отдыхали там и набирали в бурдюки благоуханную воду Кирены. Ныне же, как нам удалось выяснить, царь киренян Аркесилай отдал себя и свой народ Камбизу и платит ему дань.

– А ведь отец этого Аркесилая пользовался у нас на острове гостеприимством. Я видел его мальчиком, и до сих пор на Самосе растет сильфий, посаженный с его помощью.

– Я этого не знал, – сказал суфкет. – Но кто в наше время помнит о благодеяниях, оказанных отцам? Так что нам придется сделать первую остановку только в нашей гавани близ жертвенника Филенов.

– Филенов? – удивился Пифагор.

– Это братья, наши воины, сражавшиеся с киренцами и павшие в битве с ними, – пояснил суфкет. – Мы им поклоняемся и приносим жертвы.

Приблизившись к Пифагору, он добавил:

– Твой посланец Абибал, видимо, из тех людей, кто помнит добро. Он рассказал о тебе много хорошего, и мне думается, что в Картхадаште у нас будет время поговорить по душам.

С этими словами суфкет покинул судно. Мисдес принял брошенный ему с палубы канат, и корабли разошлись.

Наедине с собой

Корабли шли в стадии от берега, пышущего жаром, как раскаленная печь. По ночам оттуда доносился рев зверей.

«Залмоксис мог бы услышать больше», – подумал Пифагор.

Все чаще мысли его возвращались к дням, проведенным с этим мальчиком, словно бы посланным ему свыше. Порой он видел в нем самого себя, юного, обращенного к загадочному миру. О, как ему хотелось рассказать Залмоксису обо всем, что ему пришлось пережить в годы странствий! Такого желания у него не возникало при общении с кем-либо другим, ибо все они – Метеох, Анакреонт, Эвпалин – были лишены связи с миром, откуда исходят лучи мрака. Конечно же сам Пифагор знал о нем не больше, чем о знойном материке, показывавшем лишь свою прибрежную кромку, но из этого загадочного мира к нему подчас поступали сигналы как видения и сны. Иногда огромным напряжением воли он мог сам посылать такие сигналы – ведь отец воспринял один из них. Теперь же Пифагору казалось, что такое ему, возможно, удастся и с близким по духу Залмоксисом. И он неотступно думал об Индии, оживляя в памяти ее природу и лица ее людей в надежде, что мальчик услышит его и найдет возможность повторить его путь.

И вот он уже снова в лесных дебрях, в сплетенном из ветвей и листьев шалаше, и учитель втолковывает ему одну из историй, сочиненных поэтом, имя которого Вальмики – Муравей. И он ощущает причастность к природе, позволяющую ему не только предсказывать землетрясения – этому его учил Ферекид, – но и воспринимать гармонию, возникающую при движении небесных светил.

Картхадашт

Привет тебе, дочь Океана,
Прибежище наше от бурь,
Где в берег оттенка шафрана
Вливается бухты лазурь.
С высот опоясанных Бирсы
На море взирает Танит,
И всех, кто пред нею склонился,
Она от напастей хранит.

Две декады спустя Пифагора как наварха приведенных в город кораблей торжественно принимал Малый совет Картхадашта. За длинным прямоугольным столом – советники, с каждой стороны по четырнадцать. На пальцах, а у кого и в ноздрях – золотые кольца. Двойные подбородки. Лбы в морщинах, лысины, седины. Умные пронизательные глаза, устремленные к двери из черного дерева с рельефно вырезанным знаком хранительницы совета богини Танит.

Дверь распахивается. На пороге муж в пурпурном одеянии до пят, подпоясанном ремнем из витых золотых нитей. Суфкет Абдмелькарт. Рядом с ним чужеземец, совершенный, как изваяние эллинского бога, но в потертом дорожном гиматии и босиком.

Шарканье ног, вскинутые в приветствии ладони, шелест одежд, удивленные возгласы. Вошедший подходит к узкой стороне стола и опускается на сиденье со спинкой из слоновой кости. Советники садятся. Пока суфкет представлял гостя как человека, оказавшего государству услугу, Пифагор, слушая вполуха, оглядывал лесху, великолепное убранство которой соответствовало славе и могуществу владычицы морей. На стенах поблескивали серебряные чеканные блюда и чаши, пластины, инкрустированные золотом севера – янтарем, ожерелья из драгоценных камней, раковины неведомой формы, шкуры каких-то животных.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.